

АРТЕМ САВЕНКОВ

ПОЖИВИ НА ВОЛЕ



Двадцать один год за решёткой.
Как жить после?

Артем Савенков

Поживи на воле

<https://litres.ru/74679879>

SelfPub; 2026

Аннотация

В двадцать один год Павел Крылов собирался жениться. Вместо свадьбы — обвинение в жестоком убийстве любимой девушки. Тела не нашли. У могилы не было похорон. Но смертный приговор прозвучал.

Казнь заменили долгим сроком. Павел научился засыпать под чужой кашель, беречь письма и не считать оставшиеся годы. За воротами один за другим уходили те, ради кого он надеялся вернуться.

Спустя два десятилетия случайная фотография даёт ему шанс доказать правду. Только свобода оказывается совсем не такой, какой он её помнил. Здесь никто не ждёт, никто не объясняет правил — и даже открытая дверь может пугать сильнее запертой.

«Поживи на воле» — роман о человеке, который сумел пережить несправедливый приговор, но едва не потерял себя после освобождения. И о любви, рядом с которой впервые за много лет хочется дожидаться завтрашнего дня.

Артем Савенков

Поживи на воле

Артем Савенков

Поживи на воле

Роман

Это художественное произведение.

Имена и частные истории персонажей вымышлены.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

До креста

Глава 1

Хорошая рубашка

Кровь на рубашке была чужая, и Павел больше всего боялся, что мать её заметит.

Он стоял у раковины, подставив манжету под тонкую струю, и тёр ткань куском хозяйственного мыла. Пятно по-светлело по краям, зато расползлось к шву. Надо было сразу холодной водой. Он это знал. Мать столько раз говорила, когда он мальчишкой приходил домой с разбитым носом, а сейчас зачем-то открыл горячую.

Из комнаты донеслось:

— Ты её стираешь или сам стираешься?

— Сейчас.

— У тебя «сейчас» с армии осталось. Уже полчаса сейчас.

В прихожую вышла Иринка, посмотрела на его голую спину и остановилась в дверях ванной.

— Чего тут?

— Ничего.

— А чего тогда дверь не закрыл?

— Ира, выйди.

Она привстала на носки.

— Подрался?

— Васька порезался. Помогал.

— Какой Васька?

— Который в мастерской.

— А, пьяный.

— Почему сразу пьяный?

— Потому что трезвый там папа. Один.

Павел повернулся, и она быстро ушла, довольная последним словом. Шестнадцать лет, а разговаривала так, будто всю семью сама вырастила и теперь не знает, как от неё избавиться.

Рубашка была светло-голубая, с небольшим жёстким воротником. Мать купила её ещё до его возвращения, на размер больше, потому что в письмах он писал, что накачался. В плечах оказалось как раз. На животе собиралось лишнее, но Павел заправлял ткань поглубже и считал, что незаметно. Он собирался в клуб. Впервые с тех пор, как вернулся.

За три недели дома он успел посидеть с отцом в гараже, съездить к бабкиной сестре, которой всё равно было, из какой армии он приехал, лишь бы ел, и устроиться помощником слесаря в ремонтную мастерскую. В мастерской пахло железной стружкой, ветошью и кислой капустой: обедали прямо за верстаком. Там же сегодня Васька Сорокин взялся не за тот край листа. Павел прижал ему руку своей манжетой, потом нашёл тряпку. Васька благодарил так громко, будто Павел вытащил его из горящей машины. Руку перевязали. Работу продолжили. Только рубашка теперь была не та.

Мать появилась без стука. Взяла его за локоть, отодвинула и потрогала мокрую ткань.

— Горячей?

Павел промолчал.

— Конечно. Сколько говорила. Снимай, другую наденешь.

— Какую другую?

— Белая есть.

— Она с коротким рукавом.

— Руки мёрзнут?

— Мам.

Она вздохнула и стала намыливать манжету сама. Руки у неё были маленькие, с коротко остриженными ногтями. На среднем пальце правой — плотная вмятина от ножниц. Он в детстве думал, что она так и родилась, с этой отметиной, а теперь всё время замечал её заново.

— К кому идёшь?

— Ни к кому. С Валеркой.

— Значит, к кому-то.

— На танцы просто.

— Тоже мне просто.

Из кухни отец сказал:

— Аня, отдай ты ему рубаху. Закончатся сейчас танцы, пока вы там.

— Тебя спросили?

— Нет, потому сам сказал.

Мать ещё потёрла шов, посмотрела на свет и вернула рубашку.

— Влажную не надевай. Простынешь.

Через десять минут Павел надел влажную. Манжету подвернул, потом подумал и подвернул вторую, чтобы одинаково. В зеркале над обувной тумбой лицо получилось серьёзное, почти незнакомое. Короткие волосы уже отросли, но кожа под ними ещё была светлее лба. Он попробовал улыбнуться. Получилось, как на фотографии для пропуска.

— Денег дать? — спросил отец.

— Есть.

Отец кивнул. Не полез проверять, сколько. Павел был ему за это благодарен.

Валерка ждал у подъезда, прислонившись к велосипеду, на котором приехал через два двора.

— Я думал, ты передумал.

— Рубашку сушил.

— Дышать на неё надо. Быстрее будет.

Павел посмотрел на его спортивную куртку.

— Ты в этом?

— А что?

— Ничего.

Валерка ухмыльнулся.

— Ты, Паша, не напрягайся. Там не министр иностранных дел. Девки из швейки.

Клуб «Смена» стоял возле старого заводского сада. Взрослые ещё называли его дворцом, хотя две буквы на фасаде погасли, а у бокового входа хранили пустые ящики из-под пива. Раньше здесь был фонтан. Теперь в круглой чаше росли лопухи, и кто-то аккуратно поставил посередине разбитый стул.

У входа толкались знакомые и незнакомые. Павел различал лица, но имена приходили не сразу. Человек, которого он помнил семиклассником с торчащими ушами, уже курил с женщиной лет тридцати и держал её за талию. Двое спорили о цене на водку. Третий, заметив Павла, закричал:

— Во, десант приехал!

— Я в связи служил.

— Да какая разница. Главное, приехал.

Внутри пахло нагретой проводкой и лаком для волос. Музыка шла через большие колонки, обтянутые тканью; одна похрипывала на низких нотах. Вдоль стены сидели девушки.

Одна держала сумочку на коленях двумя руками, будто ехала в автобусе. Другая смотрела на часы. Двое парней у сцены танцевали так старательно, что вокруг них оставили свободное место.

Валерка сразу кого-то увидел и исчез.

Павел постоял. Поправил воротник. Пошёл за лимонадом, но в буфете оказался только тёплый сок в трёхлитровой банке. Буфетчица налила полстакана и стала искать сдачу.

— Без сдачи нельзя? — спросила она.

Павел показал пустую ладонь.

— Сейчас найду.

Он рылся в кармане, когда рядом сказали:

— У меня есть. Вам сколько?

Девушка положила на стойку несколько мятых бумажек. Буфетчица взяла их так быстро, будто боялась, что передумают.

— Я отдам, — сказал Павел.

— Конечно, отдадите. Я тут не благотворительная.

Он посмотрел на неё. Тёмные волосы, убранные за уши, простая светлая блузка. На левом плече тонкая нитка — не украшение, просто нитка. Ему захотелось убрать её, но он вовремя понял, что нельзя трогать незнакомую девушку за плечо.

— Сколько я должен?

— стакан сока.

— Так я могу сейчас.

— А вы себе купили? Или тоже кому-то должны?

Он засмеялся чуть громче, чем следовало.

Она заметила манжету.

— Руку порезали?

— Не я. Мужик на работе.

— Помогали?

— Ну.

— А прятать зачем?

Он хотел сказать, что не прятал, но посмотрел на подвернутые рукава и передумал.

— Рубашка хорошая.

— Вижу.

— Первая после армии.

Она не стала смеяться. Взяла свой сок, отпила и поморщилась.

— Тёплый.

— Пойдёмте на улицу. Там хоть воздух.

— Вы меня ещё не пригласили танцевать, а уже на улицу.

— Давайте сначала танцевать.

— С соком?

Он снова не нашёлся, и ей это, кажется, понравилось.

Её звали Вера. Подругу, с которой она пришла, уже увёл какой-то Андрей, и Вера сообщила об этом без обиды, как о погоде. Они постояли у колонны, потом всё-таки потанцевали. Павел боялся наступить ей на ноги и из-за этого двигался слишком осторожно. Вера сама переставила его ладонь по-

выше.

— Вы меня не уроните?

— Нет.

— Тогда нормально держите.

От её волос пахло яблочным шампунем. Он знал, что шампунь: мать недавно купила такой Иринке, и он ещё поддевал сестру, что теперь от неё компотом несёт. Сейчас запах был совсем другой.

— Ты работаешь? — спросила Вера.

Она первая перешла на «ты», и Павел почувствовал облегчение.

— В мастерской. Пока там. Потом, может, к одному человеку перейду. У него своё дело.

Человека не было. Была Валеркина история о знакомом знакомого, который возил запчасти. Павел сам не понял, зачем сказал. Просто «помощник слесаря» прозвучало бы так, будто разговор на этом должен закончиться.

— А там что делать?

— По снабжению. Машины, детали. Организация.

Она кивнула, и он тут же захотел объяснить, что пока ничего не решено. Но заиграла другая песня, кто-то толкнул их плечом, Вера засмеялась, и исправлять уже было неудобно.

Они вышли, когда у дверей стало прохладно. Валерка махнул Павлу из компании и показал большой палец. Павел сделал вид, что не заметил.

— Ты куда? — спросил он у Веры.

— На второй. Если успею.

До остановки шли быстро. Вера несла туфли в руке, потом снова надела: на асфальте попадалось стекло. Автобус показался за поворотом, они побежали, но водитель не стал ждать. Павел ударил ладонью по задней двери уже уходящей машины.

— Куда ты, — сказала Вера. — Дверь ему ещё сломаешь.

— Видел же.

— Конечно, видел. Он нас не знает, но уже не любит.

Они постояли возле расписания, с которого содрали половину бумаги. Следующего автобуса могло не быть. Павел предложил такси и только потом вспомнил, сколько у него денег. Вера сказала, что дойдёт пешком.

— Я провожу.

— Далеко.

— Ничего.

— Тебе потом обратно далеко.

— Я из армии пришёл. Там всё далеко.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

Пошли вдоль трамвайных путей, потом свернули к старым пятиэтажкам. В окнах ещё горели кухни. Где-то на балконе мужчина курил в майке. Под ногами хрустела сухая шелуха от тополиных почек. Вера рассказывала про рынок: как покупательница примерила три одинаковых кофты и купила четвёртую, которую до этого ругала. Павел рассказывал про службу, выбирая смешное. Ни холодных казарм, ни желания

домой в его рассказе не было.

У её подъезда он понял, что сейчас всё закончится и надо будет уходить. За всю дорогу он несколько раз почти коснулся её руки, но каждый раз находил причину этого не делать.

— Спасибо, — сказала Вера. — Теперь ты мне ничего не должен.

— За сок? Не отдал же.

— Провёл. Считается.

— А завтра ты работаешь?

— Работаю.

— До скольких?

Она назвала время, помолчала и добавила:

— Только не надо стоять у прилавка и делать серьёзное лицо. У нас хозяйка сразу цены поднимает, если думает, что жених пришёл.

Он засмеялся. Потом осторожно взял её за пальцы. Она не отняла руку.

— Тогда я подальше постою.

— Постой.

Вера поднялась на две ступеньки, обернулась и спросила:

— А ты правда по снабжению пойдёшь?

Он мог ещё сказать, что ничего такого нет, что он просто недавно вернулся и хочет казаться человеком, у которого всё впереди уже устроено. Вместо этого кивнул.

— Думаю, да.

Домой Павел шёл через весь город. Под мостом лаяла

собака, возле хлебного магазина спал на скамейке человек, прижав к себе пустой пакет. Он никого не боялся. Изредка подносил ладонь к лицу: казалось, на ней остался Верочкин запах.

Мать не спала. Сидела на кухне, наклонившись над одеяльником, и пришивала пуговицу. Увидев сына, спросила:

— Поел хоть?

— Ел.

— Что?

— Сок.

Она посмотрела поверх очков, но не стала ничего говорить. Встала, открыла холодильник.

Павел снял рубашку и сам повесил её на плечики. Манжета высохла. Пятно почти пропало, только по краю шва осталась жёлтая полоска. Он подумал, что завтра надо будет надеть другую, а эту пусть мать выведет как умеет.

Потом вспомнил, что обещал Вере снабжение. Посидел на краю кровати, потёр ладонями колени. Неприятно было врать ей с первого вечера.

Но ведь мог и правда куда-нибудь перейти.

Он лёг и начал придумывать, где возьмёт деньги на цветы.

Глава 2

Где мы будем жить

На рынке Вера оказалась другой.

Она стояла под полосатым тентом, зажатая между двумя рядами висящих курток, и спорила с женщиной в беретке. Женщина держала кофту за один рукав и уверяла, что на соседнем ряду точно такая же дешевле.

— Так берите там, — предложила Вера.

— А чего ты меня посылаешь?

— Я вам советую.

— Советчица нашлась. Я таких кофт за жизнь сколько сносила.

— Поэтому вы и знаете, что брать.

Женщина хотела возмутиться, но за тентом кто-то засмеялся. Она положила кофту, ещё раз пощупала воротник и неожиданно спросила, нельзя ли уступить немного. Вера позвала хозяйку.

Павел ждал в стороне, как обещал. Держал три гвоздики, которые успели распушиться от ветра. Теперь они казались ему слишком официальными, будто пришёл поздравлять с окончанием техникума. В мастерской мужики сказали, что гвоздики нормально. Васька предлагал вообще не покупать: «Она же на рынке, у неё там цветов до хрена». Павел не стал объяснять, что Вера продаёт кофты, а не весь рынок сразу.

Хозяйка вышла из-за соседнего прилавка. Невысокая, плотная, с ярко накрашенным ртом. Разрешила уступить, посчитала деньги, потом посмотрела на Павла.

— Это твой?

Вера отвернулась к курткам.

— Я не знаю, чей он. Стоит.

— С цветами стоит, значит, чей-то. Иди уже. Два часа вокруг тебя ходит.

— Двадцать минут, — поправил Павел.

— А мне кажется, два часа. Шагает туда-сюда, покупатели боятся. Серьёзный такой.

Вера взяла сумку, вылезла из тесного прохода и остановилась перед ним.

— Я же просила серьёзно не стоять.

Он протянул цветы.

Она взяла их сразу, без раздумья, и именно за это он был благодарен. Не пришлось стоять с вытянутой рукой.

— Ты голодная?

— Очень.

— Пойдём куда-нибудь.

Они купили пирожки у входа. Из пирожка Веры вытекла капуста, Павел подставил ладонь и обжёгся. Она засмеялась, дала ему салфетку, потом доела, отвернувшись, чтобы не испачкать блузку. Три гвоздики лежали на сумке, и мимо них проходил весь рынок: бабушки с редиской, продавцы кассет, мужчина с колесом от велосипеда, двое одинаково стриженных парней, которых пропускали без просьбы.

— У тебя хозяйка злая? — спросил Павел.

— Светлана Ильинична? Нормальная. Когда выручка есть.

— А когда нет?

— Тогда и я злая.

Он посмотрел на её руки. Вчера в клубе показались совсем гладкими, а сейчас на пальцах были маленькие заусенцы, и к ногтю пристала синяя нитка.

— Тяжело целый день стоять?

— Смотря кто спрашивает. Если Светлана, то легко, я молодая. Если ты — тяжело, пожалей меня.

Он не знал, как надо жалеть, и отдал ей второй пирожок.

Через неделю он уже знал, где заканчивается её рабочий день, где можно пройти к реке, чтобы не встретить хозяйку, и какой автобус ей нужен, если задерживаться нельзя. У Веры дома телефона не было. У него тоже. Приходилось договариваться заранее и потом ждать, если что-то менялось. Иногда он сердился из-за получаса под дождём, но стоило ей появиться, как хотелось рассказать что-нибудь смешное вместо упрёка.

Однажды она не пришла совсем.

Павел простоял у кинотеатра до закрытия кассы. Билетёрша вымыла ступени, обходя его ботинки, потом посоветовала идти домой. Он ответил, что сейчас уйдёт, и остался ещё на двадцать минут.

На другой день Вера была на рынке. Глаза опухшие, движения резкие.

— Я вчера ждал.

— Знаю.

— Можно было передать.

— Через кого?

Он не нашёлся. Она вытащила из коробки пакет, встряхнула, снова сложила.

— Маме плохо было. Давление.

Он собирался сказать, что всё равно можно было как-то, но увидел, как у неё дрожат пальцы.

— Сейчас нормально?

— Сейчас ругается, что я скорую вызвала. Значит, нормально.

Вечером он проводил её домой и предложил зайти в аптеку. Вера согласилась, но деньги не взяла. Сказала: если очень хочется, пусть лучше несёт сумку, потому что от ручек уже плечо отваливается. Он нёс её до подъезда и был доволен, что пригодился.

В июле мать послала Павла занять очередь в сберкассах. Накануне по телевизору сказали про обмен денег, потом сказали другое, потом соседка сообщила, что с утра всё закроют. Мать достала конверты из бельевого шкафа и перебирала их на кухне, а отец сидел рядом и только спрашивал, зачем она считает по третьему разу.

— Чтобы не ошибиться.

— Они там уже ошиблись за тебя.

— Коля, помолчи.

У сберкасс собирались ещё до открытия. Кто-то принёс табуретку. Женщина в халате зачитывала бумажку, которую ей дали на работе. Мужчина за ней утверждал, что бумажка

уже недействительна. Все берегли своё место и одновременно боялись, что стоят не туда.

Вера пришла с сумкой через плечо и двумя булочками.

— Ты откуда знаешь, что я здесь?

— Ира сказала.

— Ты к нам заходила?

— Нет, по двору спросила, кто тут такой красивый и с гвоздиками. Все сразу показали.

Он взял булочку. Она уже успела примяться, повидло вылезло на бумагу.

— Много у вас? — спросила Вера тихо.

— Хватит поменять.

— А мама всю ночь не спала. Говорит, у неё ничего не было, а всё равно жалко.

Павел хотел пожаловаться на очередь, но рядом старик достал из кармана аккуратно перевязанную пачку купюр. Держал её двумя руками и смотрел на закрытую дверь. Павлу стало неловко есть.

Они простояли вместе ещё час. Вера опоздала на рынок и потом получила от хозяйки выговор. Не рассказывала об этом, он узнал случайно. После этого ему несколько дней хотелось сделать для неё что-то такое же хорошее, только он не мог придумать что.

В августе он привёл её домой.

Мать с утра вымыла полы, хотя мыла накануне. Иринка ходила по квартире в полотенце на голове и уверяла, что ни-

чего особенного не происходит, просто у всех вдруг праздник. Отец ушёл в гараж, вернулся с пакетом помидоров и сказал, что случайно купил лишние. Павел знал: отец помидоры никогда не покупал, ему их давал сосед.

Вера пришла с рулетом. Увидев мать, сразу назвала по имени-отчеству, хотя Павел забыл предупредить. Оказалось, запомнила, когда он рассказывал про рубашку.

На кухне было тесно. Отец отодвинулся к холодильнику, чтобы всем хватило места. Иринка стала наливать чай и спросила:

— Пашка тебе тоже про снабжение рассказывает?

Павел почувствовал, как потеет спина.

— Ира.

— Что Ира? Я интересуюсь. Может, уже директор.

Вера положила на тарелку кусок рулета и спокойно сказала:

— Он мне рассказал, что пока в мастерской. По крайней мере, я знаю, к кому идти, если кран сломается.

Отец усмехнулся.

— С краном лучше ко мне. Он ещё учится.

— А я не про качество. Я про знакомство.

Мать засмеялась первой, и дальше стало легче.

После чая Вера помогала убирать посуду, хотя её уговаривали сидеть. Мать показывала, где полотенца, затем спросила, где та работает. Услышав про рынок, не изменилась в лице, только поинтересовалась, не дует ли под тентом. Вера

рассказала про клеёнку, которую натягивают осенью. Мать предложила подшить края, чтобы не рвались на ветру.

Павел смотрел из комнаты. Ему нравилось, как Вера стоит у их раковины. В его представлении она уже могла остаться здесь навсегда, хотя он ещё ни разу её не поцеловал при свете.

Когда вышли, он сказал:

— Я не врал, просто думал, получится перейти.

— Со снабжением?

— Ага.

— Я поняла.

— И что?

Она пожала плечами.

— Не рассказывай больше, пока не получилось. Мне и так нормально.

Он шёл рядом и чувствовал себя легче. Потом всё-таки испортил:

— Я же не буду всю жизнь гайки крутить.

— А если будешь?

Он посмотрел на неё.

— Ну что ты.

— Я спрашиваю.

— Найду другое.

Вера кивнула, но разговор на этом закончился.

В сентябре родители уехали на дачу, Иринка осталась ночевать у подруги, и Вера впервые пришла к нему вечером.

Он заранее купил хлеб, сыр, какие-то конфеты и сок, который долго выбирал, будто разбирался. Навёл порядок в комнате, потом разобрал порядок, чтобы не выглядело нарочно. Долго проверял, закрывается ли дверь в ванную.

Вера принесла помидоры.

— Ты что, голодать собрался? — спросила она, заглянув в холодильник.

— Я приготовил.

— Вижу. Конфеты с хлебом.

Они сделали яичницу. Павел разбил одно яйцо слишком сильно, вылавливал скорлупу ложкой. Вера смеялась, потом сама уронила помидор на пол и ругалась, нагнувшись под стол. Он хотел обнять её со спины, но стеснялся, что она решит: только этого и ждал.

В комнате она сама села рядом.

Он помнил потом, как за стеной включили воду, как в коридоре щёлкнула остывающая труба и как Вера попросила не торопиться. В темноте он боялся показаться неопытным и оттого делал всё ещё неловче. Она вдруг засмеялась ему в плечо.

— Чего?

— Ничего. Ты носом в меня дышишь, щекотно.

Он тоже засмеялся. После этого стало не так страшно.

Ночью захотелось есть. Они сидели на кухне, пили чай и делили оставшуюся яичницу прямо со сковороды. Вера была в его футболке. Рукав закрывал ей половину ладони, и она

закатывала его перед каждым глотком. Павел хотел сказать, чтобы не уезжала, но до утра она и так никуда не собиралась, а на большее у него не было ни денег, ни комнаты отдельно от родителей.

— Ты чего? — спросила она.

— Ничего.

— Смотришь, как будто я у тебя ложку украла.

— Оставайся.

— Так я осталась.

— Вообще.

Вера опустила глаза на чашку. Он испугался, что слишком рано.

— Здесь? — спросила она.

— Сначала здесь. Потом что-нибудь снимем.

— Сначала давай утро.

Она встала, поставила посуду в раковину и поцеловала его в висок. Павел решил, что это согласие.

Зимой они смотрели объявления о съёме. Объявления висели на столбах, в газетах и у входа в гастроном. Лучшие варианты почему-то оказывались уже сданы. В одном месте им показали комнату с продавленным диваном, но хозяйка предупредила, что вечером Вера должна приходить не позже девяти, а Павел может только навещать. В другом требовали сразу за несколько месяцев. В третьем жила собака, которая не позволила им войти.

На улице Вера долго смеялась.

— Представляешь, мы ей деньги платим, а она нас домой не пускает.

— Это собака.

— Я про хозяйку. Собака просто честная.

Они шли по скользкому тротуару. На Вериной шапке белел снег. Павел держал её под локоть и старался не думать о сумме, которую называли за комнату.

У нового девятиэтажного дома он остановился.

— Вот тут нормально было бы.

Вера подняла голову. На шестом этаже горело широкое кухонное окно. На подоконнике стояли цветы, возле шторы мелькнула чья-то рука.

— Нормально, — согласилась она.

— Одна комната. Зато своё.

— А балкон?

— Балкон тоже.

— Застеклённый?

— Обязательно. Чтоб ты там кофты сушила.

— Я там кресло поставлю. И никого не пущу.

— Даже меня?

— Тебя сначала пущу. Посмотрю, как себя вести будешь.

Они пошли дальше, обсуждая квартиру, которой у них не было. Вера хотела светлую кухню и зеркало, в котором можно увидеть себя целиком, не отходя в коридор. Павел хотел хороший замок и место для инструментов. Он говорил, что сам сделает полки, она отвечала, что сначала пусть научится

не оставлять отвёртки на столе.

Около её дома он спросил, какие цветы она посадит на балконе.

— Не знаю. Такие, чтоб не умирали от меня.

Она поцеловала его холодными губами и побежала в подъезд. Павел остался ждать, пока на третьем этаже зажжётся свет. Через минуту Вера появилась в окне и помахала.

Он махнул в ответ.

До дома было далеко, а утром нужно было рано вставать. Он всё равно пошёл пешком, чтобы ещё немного побыть с тем, что они только что придумали.

Глава 3

Не брат тебе

Игорь попросил денег так, будто Павел сам предложил и теперь забыл.

— Слышь, выручи до понедельника. Я Вере сказал, она говорит, у тебя должны быть.

Они стояли на лестничной площадке. Из квартиры Лапиных тянуло жареным луком, на батарее сушились чьи-то вареники. Павел только поднялся, держал в одной руке пакет с хлебом, в другой — шапку. Вера обещала, что вечером будут одни, но в комнате работал телевизор, а на кухне кашляла её мать.

— Сколько?

Игорь назвал сумму.

— Нет у меня столько.

— А сколько есть?

Павлу не понравился вопрос. Он переступил с ноги на ногу.

— Ты на что?

— Паш, тебе назначение написать? На важное.

У Игоря был короткий пуховик с блестящей подкладкой. Из-под воротника выглядывала золотистая цепочка; настоящая или нет, Павел не знал. На брата Вера была похожа глазами, только её взгляд всё время менялся, а у Игоря оставался насмешливым, даже когда тот просил.

— У меня отложено, — сказал Павел. — Наше. Ты у Веры спрашивал, она знает.

— Да я не в карман тебе лезу. На три дня.

Вера вышла из комнаты, увидела их и остановилась.

— Игорь, я сказала, не надо.

— Чего не надо? Разговаривать уже нельзя?

— Не занимай у него.

Игорь оттопырил нижнюю губу.

— Вот какие вы. Сразу вы уже. Я, значит, чужой.

Он оделся не торопясь, будто всё равно никуда не собирался. Взял с тумбочки ключи, на секунду задержал взгляд на пакете в Павловой руке.

— Хлеб принёс. Молодец. Хозяйственный.

На лестнице ещё долго слышались его шаги. Он спускался через ступеньку, потом вернулся за забытой пачкой сигарет

и снова пошёл вниз. Павел стоял в прихожей и чувствовал себя дураком.

— Ты чего замер? — спросила Вера.

— Ничего.

Она взяла у него хлеб.

— Ты не слушай. Он со всеми так.

На кухне Людмила Алексеевна чистила картошку. Работала медленно: срезала длинную кожуру, складывала рядом, потом выбирала глазки маленьким ножом. Павла встретила кивком. Она ещё не привыкла к тому, что он приходит без особого приглашения, и каждый раз несколько минут вела себя так, словно надо немедленно накормить гостя, даже если еда ещё сырая.

— Садись. Сейчас будет.

— Я не голодный.

— Все не голодные. Потом едят.

Вера достала вторую кастрюлю и поставила воду. Разговаривать про Игоря при матери не стала. Павел сидел у окна и рассматривал табуретку, которую однажды уже подкручивал. Ножки опять разболтались. Он пообещал себе в следующий раз принести клей.

Людмила Алексеевна потянулась к чайнику. Павел заметил, как она придерживает правую руку левой, чтобы вода не пролилась. Раньше видел, но старался не замечать. От Веры он знал немного: мать долго пила, потом перестала. Отец умер раньше. Больше спрашивать было неудобно, а Вера са-

ма не рассказывала.

После ужина они вышли пройтись.

Январский снег у подъездов почернел, по дорожке к остановке протоптали узкую тропу. Вера шла впереди, руки в карманах. Павел догнал и спросил:

— Что у него?

— У кого?

— Вер.

Она остановилась, потёрла переносицу варежкой.

— Я не знаю. Говорит, должен.

— Кому?

— Не знаю.

— Ну ты же понимаешь, если он...

— Что я понимаю?

— Он всё время приносит что-нибудь. Магнитофон тогда. Куртки. Откуда?

Вера посмотрела мимо него, на освещённое окно магазина.

— Тебе он не брат, Паш.

— Я не про это.

— А я про это. Ты сейчас скажешь, что его выгнать надо, и пойдёшь домой. А я куда пойду?

— Я не говорил выгнать.

— Пока не говорил.

Она пошла дальше, и ему пришлось снова догонять. Хотелось объяснить, что он не обвиняет её, что просто видит,

как брат пользуется ею. Но чем больше подбирал слова, тем хуже они становились.

У остановки Вера вдруг взяла его под руку.

— Не давай ему. Если попросит ещё.

— Ты же сама сказала.

— Вот и слушай меня хоть иногда.

Он сжал её пальцы через варежку. На этом помирились.

Через две недели Игорь появился у мастерской.

Павел вышел на обед, увидел его возле ворот и сначала обрадовался: пришёл человек из Вериной жизни, значит, есть что-то общее. Игорь закурил, предложил ему, услышал отказ и покачал головой, как будто в этом отказе было что-то детское.

— Пойдём, покажу.

За гаражами стояла старая «шестёрка» с серой дверью другого оттенка. В багажнике лежали две картонные коробки и замотанный в тряпку электродвигатель.

— Подработать хочешь?

— Что делать?

— Разобраться, чего рабочее. Контакты, вот это всё. Ты же в связи служил.

Павел присел возле багажника. В коробке были реле, пускатели, ещё какие-то детали, знакомые по мастерской. На корпусе двигателя белой краской стояла цифра, поверх которой провели напильником, но не стёрли до конца.

— Откуда?

— Со списания. Люди выкупили.

— Бумаги есть?

Игорь засмеялся.

— Тебе работать или архив вести?

Павел поставил деталь обратно.

— Не знаю я этого. У нас другое.

— Чего другое? Железо и железо.

— Я не возьмусь.

Лицо Игоря стало неподвижным. Он опустил крышку багажника, но не захлопнул.

— Ты, Паш, если чё не понял, спросил бы нормально. Я бы объяснил. А то глядишь так, будто я тебе краденое предлагаю.

— Я не говорил.

— Говорить необязательно.

Дома Павел рассказал отцу про цифру на двигателе. Тот слушал, смазывая дверную петлю.

— С заводских складов может быть. А может, и со списания.

— Так брат?

— Ты уже не взял.

— Ну а если...

— Если бумага есть — смотри бумагу. Если нет — не ищи, чем себя уговорить.

Петля перестала скрипеть. Отец несколько раз открыл и закрыл дверцу, удовлетворённо кивнул и убрал маслёнку.

Павел подумал, как хорошо было бы, если бы и остальное можно было так проверить.

В начале февраля Игоря забрали.

Вера пришла к мастерской без шапки, хотя морозило. Волосы у висков намокли, рот побелел. Павел увидел её через окно, отпросился у мастера и выбежал, ещё натягивая куртку.

— Что?

— Игоря. Ночью. Мамка говорит, в милицию увезли. Я там была, мне ничего не говорят.

Он хотел спросить, за что, и вовремя не спросил.

До отдела ехали на автобусе. Вера всё время доставала из сумки паспорт и убирала обратно. Павел предложил подержать сумку, она не услышала. На одном из поворотов их качнуло, и она вцепилась ему в рукав так сильно, что стало больно.

В отделе стоял запах мокрой одежды, хлорки и сигарет. За стеклом дежурный разговаривал по телефону. Вера дождалась, пока положит трубку, назвала фамилию. Он посмотрел в журнал, спросил, кто она, и велел ждать.

— А долго?

— Сказал, ждите.

Они сели на скамейку, прикрученную к стене. Рядом спал человек в грязном пальто. Время от времени он просыпался, смотрел на свои колени и снова засыпал.

Павел начал говорить Вере, что сейчас разберутся. Она

молчала. Через двадцать минут он поднялся и подошёл к стеклу.

— Вы хотя бы скажите, к кому.

Дежурный посмотрел на него без любопытства.

— А ты кто?

— С ней.

— Вот с ней и сиди.

Павел почувствовал, что краснеет. Из коридора вышел мужчина в расстёгнутом пальто. Не в форме. Невысокий, широкоплечий, с аккуратными усами. Он остановился рядом с дежуркой, выслушал что-то через боковую дверь и обернулся к Вере.

— Лапина?

Она вскочила.

— Да. Что с ним?

— Пройдёмте.

Павел пошёл следом. Мужчина остановил его ладонью, даже не коснувшись.

— А вы?

— Я с ней.

— Родственник?

Павел посмотрел на Веру.

— Нет. Мы вместе.

— Пока здесь подождите. Если понадобится, позовём.

Сказал ровно, почти вежливо. Павел остался. Вера оглянулась уже из коридора, но непонятно было, просит ли пой-

ти с ней или, наоборот, не надо.

Она вернулась через сорок минут. Точно через сорок: Павел всё время смотрел на круглые часы над дежуркой. Встал так резко, что спящий человек открыл глаза.

— Что?

— Будут проверять. Говорит, может, просто купил.

— Кто говорит?

— Виктор. Гордин. Он этим занимается.

Павлу не понравилось, что уже Виктор, но спрашивать об этом в коридоре было нелепо.

— Выпустят?

— Не знаю. Он говорит, маму пока не дёргать. У неё давление. Сам позвонит на работу соседке, если что.

— А что там? Что купил?

Вера остановилась у дверей.

— Паш, ну подожди ты.

Он открыл ей дверь на улицу. Воздух пах морозом и выхлопом. После тёплого коридора его пробрало до плеч.

Игорь вернулся через несколько дней. О том, что именно ему вменяли и что осталось в материалах проверки, Вера толком не знала. Говорила: купил не у того человека, теперь будут вызывать. Мать плакала от облегчения и всё время ставила на стол новую еду.

Павел пришёл вечером. Игорь сидел на кухне в майке и ел картошку с мясом. Увидел его, поднял вилку.

— О, служивый. А ты говорил, бумага, бумага.

— Я ничего не говорил.

— Да ладно. Всё нормально. Люди разобрались.

Он ел жадно, наклонившись к тарелке. На запястье у него был тёмный след, который Павел сначала принял за грязь.

Вера стояла у плиты. На спинке стула висел пакет с фруктами: яблоки, два апельсина, виноград, которого зимой у них дома почти не бывало.

— Это откуда? — спросил Павел.

— Виктор заезжал, — сказала Людмила Алексеевна раньше дочери. — Хороший человек. По-людски отнёсся.

Вера не обернулась.

Павел сел, взял хлеб. Хотел спросить, откуда у хорошего человека их адрес, потом вспомнил, что адрес есть в паспорте. Вопрос оказался дурацкий, но неприятное чувство от него никуда не делось.

— Поешь, Паш, — сказала Вера.

Она положила ему на тарелку два лучших куска мяса. Он решил, что зря придирается, и начал есть.

Глава 4

Человек с ключами

Квартира, которую им показали в марте, находилась над аптекой. Одно окно выходило во двор, другое было заложено шкафом. Посередине комнаты стояла кровать с никелированными спинками, а под кроватью — таз. Хозяйка убрала его ногой прежде, чем Вера успела спросить.

— На кухне общий кран. Плитка ваша будет. У меня готовить не надо, я запахов не переношу.

Между рамами торчала скрученная жгутом тряпка. На подоконник сыпалась старая краска.

— Зимой холодно?

— Вы зимой сначала поживите.

Хозяйка была в вязаной безрукавке поверх халата. На шее висел ключ на длинном шнурке. Она не снимала с них глаз, будто примеряла к комнате и заранее находила неподходящими.

— А гостей можно? — спросила Вера.

— Зачем вам гости? Вы работать будете или гостей водить?

— Мама если зайдёт.

— Мама пусть заходят. Только без ночёвки. И в ванну каждый день не надо, вода денег стоит.

На улице Вера молчала. Павел ещё пытался обсуждать: комната отдельно, вход из коридора, хозяйка привыкнет. У него в кармане лежали деньги, которые они приготовили за первый месяц. Он несколько раз потрогал их через ткань, не понимая, радуется, что не отдал, или стыдится.

— Вер, зато одни.

Она остановилась у аптечной витрины.

— Там потолок течёт.

— Где?

— Над кроватью. Зачем, думаешь, таз?

Он не заметил. Теперь стало совсем обидно.

— Сделать можно.

— За наши деньги? Чужую крышу?

— Я не говорю, что там. Просто искать надо.

— Давай искать.

Она взяла его под руку, но не прижалась, как обычно.

В тот вечер у неё дома был Гордин.

Сидел за столом рядом с Людмилой Алексеевной, пил чай. Пальто висело в коридоре на отдельном крючке, и Павел, снимая куртку, почему-то постарался не задеть его рукавом. На табуретке у двери стояла Верина сумка.

— Здравствуйте, — сказал Павел.

— Здорово, — ответил Гордин. — А мы тут тебя вспоминали.

Павел посмотрел на Веру. Она доставала чашку с верхней полки, стоя на носках.

— Квартиру смотрели, — пояснила она.

— Да, Верочка сказала. Молодые, самостоятельные. Хорошее дело.

Гордин говорил не насмешливо, но Павел почувствовал себя школьником, которому разрешили участвовать во взрослом разговоре.

— Найдём, — сказал он.

— Найдёте. Только смотрите, кому деньги отдаёте. Сейчас народ ушлый.

Людмила Алексеевна сразу закивала.

— Я ей то же самое. Сними, говорит. А вдруг чего?

— Чего вдруг? — спросила Вера. — Мы тут что, вечные?

Мать обиделась. Гордин перевёл разговор на аптеку возле дома: там будто бы появился нужный ей препарат. Достал из кармана бумажку с названием, уточнил, то ли ей выписывали. Людмила Алексеевна стала искать рецепт.

Павел пил слишком горячий чай. Слушал, как Гордин рассказывает о знакомой медсестре, и думал, что сам мог бы сходить в аптеку. Если бы знал. Но ему Вера не сказала про таблетки.

Когда Гордин собрался, мать вышла его провожать. В прихожей долго благодарила. Он отмахивался, потом заметил Павла.

— Ты, если по жилью совсем упрётесть, скажи. Может, узнаю что-нибудь. Гарантировать не буду, но спросить можно.

— Спасибо. Мы пока сами.

Павел произнёс это поспешно. У Гордина чуть приподнялись брови.

— Так я и не отбираю.

Вера после его ухода сказала:

— Зачем ты так?

— Как?

— «Мы сами». Он помочь предложил.

— Я спасибо сказал.

— Ты это спасибо сказал, как будто его послал.

Павел снял со стула свою куртку.

— Я домой.

— Паша.

— Рано вставать.

Она проводила до двери, задержала за рукав.

— Ну чего ты?

Ему хотелось спросить, почему чужому человеку здесь удобнее, чем ему. Вместо этого поцеловал её в щёку. Она пахла чаем и тем же шампунем, а раздражение от этого стало ещё сильнее.

Весной Вера начала задерживаться.

То помогала хозяйке пересчитывать товар, то ездила на склад, то Игорь попросил отвезти вещи знакомому. Павел ждал, сердился, потом верил объяснению. Ему самому приходилось брать работу после смены. Отец достал через приятеля старые металлические стеллажи: разобрать, зачистить, перевезти. В выходной они трудились вдвоём, и вечером Павел уже не чувствовал ладоней.

Вера посмотрела на трещины у него на пальцах.

— Перчатки нельзя надеть?

— Неудобно.

— А так удобно?

Она достала маленькую баночку крема, намазала ему руки и велела сидеть, пока впитается. Он старался не улыбаться. Ему нравилось, когда она командовала чем-нибудь небольшим, за чем не было ни обиды, ни расчёта.

— Папа тоже мажет? — спросила Вера.

— Папа говорит, жиром надо. Любым.

— Я вас обоих скоро в таз с кремом посажу.

Он поймал её руку и поцеловал запястье. Вера посмотрела на него внимательно, потом отвела глаза. Он решил, что смутилась.

В апреле у неё появились сапоги.

Не совсем новые, как она сказала, «со склада, со скидкой». Удобные, без лишнего блеска, с хорошей молнией. Павел похвалил. Она подняла ногу, повернула носок, спросила, не полнит ли голенище. Ему было непонятно, как сапог может полнить, но он ответил, что нет.

Через неделю появились серьги. Небольшие, с прозрачными камнями. Вера объяснила, что хозяйка отдала в счёт части заработка. Павел кивнул. Потом вспомнил, что хозяева обычно так легко не расстаются с украшениями, и спросил у Валерки, бывает ли.

— Бывает, — сказал Валерка. — Если зарплату не дают, тебе хоть холодильник предложат. Ты только не соглашайся, если он размером с комнату.

Павел засмеялся и перестал думать.

В начале мая они собирались к реке. Договорились после её работы купить еды, пройти к старому причалу и посидеть до темноты. Павел заранее отмыл от машинного масла ногти, хотя это получилось не до конца. Пришёл пораньше.

Прилавок был закрыт.

Он обошёл ряд, заглянул с другой стороны. Светлана Ильинична стояла у чужого тента и считала деньги. Увидела его, убрала пачку в карман.

— Вера ушла уже.

— Давно?

— Да час, наверное.

— А куда?

Хозяйка посмотрела на него и вдруг стала поправлять завязку на пакете.

— Домой. Куда ей ещё.

Павел дошёл до Лапиных. Людмила Алексеевна открыла не сразу. На кухне шёл радиоприёмник, пахло стиральным порошком.

— Нет её. Она с тобой вроде.

— Мы у рынка встречались.

— А, значит, разминулись. Подожди, сейчас подойдёт.

Он подождал двадцать минут, потом сказал, что пойдёт навстречу. Людмила Алексеевна предложила чай. Отказался.

Моросил мелкий дождь. Павел купил у ларька сигарету поштучно, хотя почти не курил. Не понравилось, но докурил, чтобы не выкидывать деньги. Автобусы подходили, выплёвывали людей, уезжали. Он уже хотел вернуться домой, когда увидел тёмную «Волгу».

Машина медленно проехала мимо остановки, объезжая яму. За рулём сидел мужчина, которого Павел не знал. На

заднем сиденье — Гордин. Рядом с ним Вера.

Она увидела Павла. Он был в этом уверен: её лицо повернулось прямо к стеклу, и на секунду взгляд остановился. Павел поднял руку, ещё не понимая, зачем. «Волга» не остановилась. Вера отвернулась внутрь машины.

Он остался стоять с поднятой ладонью. Потом опустил её в карман.

Сначала придумал, что они едут к Игорю. Потом — что Вере стало плохо и её везут. Потом понял, что если бы стало плохо, она бы не сидела так спокойно, чуть наклонив голову к плечу. Никто сзади не двигался. Только Гордин что-то говорил.

Вечером он снова пришёл к Лапиным.

Вера открыла сама. На ней были домашние брюки, волосы влажные после мытья.

— Ты где была?

— На складе. Я тебе говорила.

— Не говорила.

— Значит, забыла. Светлана попросила.

— Я тебя видел.

Она перестала держаться за дверную ручку.

— И что?

— В машине.

— Виктор подвёз.

— Куда?

— Домой, Паш. Ты хочешь, я тебе дорогу нарисую?

У Павла дрожали пальцы. Вера не кричала, не путалась в объяснениях. Она отвечала ему раздражённо, как слишком настойчивому покупателю.

— Мы договорились.

— Я забыла. Извини.

Людмила Алексеевна позвала с кухни:

— Вера, кто там?

— Паша.

— Так чего он на лестнице? Заходи, Паша.

Вера отступила. Он вошёл и сел ужинать. Суп был пересолен, но он доел. Игорь появился поздно, с дороги принёс сырость и табачный дым, спросил, чего все кислые. Никто не ответил.

Потом Павел и Вера пошли в комнату. Она села рядом с ним на диван и прислонилась головой к плечу.

— Я правда забыла, — сказала уже совсем иначе. — Устала. Там за день так наговоришься, вообще никого не хочется слышать.

Он погладил её по волосам.

— Я тебя ждал.

— Знаю.

— Час.

— Знаю, Паш.

Он хотел спросить про Гордина. Вера закрыла глаза, и он не спросил. Некоторое время просто сидели.

Возле её виска блестела новая серьга. Павел подумал, что

она красивая, и сразу вспомнил Светлану Ильиничну, отворачивающуюся к пакету. Прогнал мысль, потому что Вера была рядом, тёплая и спокойная, и разрушить это собственным вопросом казалось глупостью.

Через несколько дней Гордин снова привёз Людмиле Алексеевне лекарство. Сказал, что в аптеке последние упаковки, надо брать сразу. Вера вынесла деньги, но он не взял. Разговаривали в прихожей, а Павел сидел на кухне и слышал, как Вера настаивает, потом перестаёт.

Когда за Гординым закрылась дверь, она подошла к раковине, включила воду и долго держала под струёй пустую чашку.

— Ты чего её моешь? — спросил Павел. — Она чистая.

— Отстань, пожалуйста.

Он отодвинулся от стола. Вера не повернулась. Вода била в чашку и переливалась через край.

Глава 5

На нашу квартиру

Павел хранил деньги в коробке из-под электробритвы. Бритву ему подарили на восемнадцать лет, она дёргала волоски и скоро сломалась, поэтому лежала отдельно, в нижнем ящике. Коробка оказалась полезнее.

Он не пересчитывал накопленное каждый день, но всегда знал, сколько там. Если приходилось взять на что-нибудь, оставлял бумажку с суммой, хотя деньги были его собствен-

ные и никто отчёта не требовал. Иногда Иринка подкладывала записку: «Ты должен мне жвачку, подпись директора». Он ругался, что она лазит в вещах, и всё равно приносил жвачку.

Вера знала про коробку. Несколько раз добавляла из своей выручки, а Павел записывал отдельно, чтобы потом не забыть, чьё. Она смеялась:

— Если разбежимся, мне по ведомости выдашь?

— Не разбежимся.

— Тогда зачем записываешь?

Он не мог объяснить. Просто ему нравилось, что накопления можно проверить. На работе платили неровно, цены менялись, объявления исчезали. В коробке всё хотя бы сходилось.

В июне Вера сказала, что есть квартира.

Павел сначала решил, что она нашла очередную комнату. Они стояли возле рынка, Светлана Ильинична закрывала тент. Вера взяла его под руку и потянула в сторону, к проходу между гаражами.

— Однокомнатная. На Лесной. Частная уже, документы есть. Люди уезжают к дочери, им быстро надо.

Он остановился.

— Купить?

— Нет, пожить спросить. Конечно, купить.

Она говорила возбуждённо, слишком быстро. Достала из сумки сложенный лист, развернула: адрес, фамилия,

несколько сумм, записанных разными чернилами.

— Вот цена. Это сейчас оставить. Остальное потом, когда они окончательно съедут.

Павел посмотрел. Общая сумма была велика, но не так велика, как в последних объявлениях. Если занять, если отец продаст старый гараж, которым почти не пользуется, если ещё пару месяцев без выходных...

— Мы её видели?

— Поедем посмотрим. Ключ у человека есть.

— У какого человека?

— Сергей. Знакомый Виктора.

Павел сложил лист и вернул ей.

— А без Виктора у нас ничего нельзя?

Вера опустила руку.

— Не хочешь, не надо.

— Я не это говорю.

— Именно это. Я тебе вариант нашла, а ты сразу лицо делаешь.

— Я спросил, кто такой Сергей.

— Человек, который занимается квартирами. Паша, если тебе нравится к бабкам ходить и спрашивать, когда можно мыться, ходи. Я уже не могу.

Она сказала последние слова тихо, без злости, и ему сразу стало стыдно за свой тон.

Посмотреть поехали в субботу. Лесная находилась на другом конце города, возле молодой посадки. Дом был обыч-

ный, пятиэтажный, но двор чистый, на детской площадке стояла целая горка. Мужчина у подъезда спросил, к кому они, и, услышав фамилию, кивнул. Павел от этого успокоился больше, чем хотел признать.

Сергей ждал на втором этаже. Сухой, в рубашке с расстёгнутым воротом. Из нагрудного кармана торчали две ручки. Поздоровался, достал связку ключей, выбрал один.

— Хозяева уехали на неделю. Я показываю. Только сразу скажу: желающие есть.

В квартире стояла мебель. На кухне пахло высохшим укропом, на холодильнике лежала старая газета. Комната была меньше той, которую они представляли зимой, но окно широкое. На подоконнике остались следы от цветочных горшков. Балкон застеклён, одна створка не закрывалась.

Вера сразу прошла туда.

— Паш, смотри.

Он подошёл. Под окном росли тополя, внизу женщина вытряхивала половик. На соседнем балконе сушились детские колготки.

— Створку поправить надо, — сказал он.

— Поправишь.

Она сказала это так просто, будто вопрос уже решён.

Сергей показал ванную, счётчик, кладовку. Объяснял охотно, не торопил. Павел спросил про собственника. Тот назвал фамилию, показал несколько копий, в которых Павел понимал меньше, чем хотел показать. Сказал, что встреча с

хозяевами будет при оформлении, а пока нужно подтвердить серьёзность намерений.

— На слово держать никто не будет. Сами понимаете.

Павел не понимал, почему нельзя дождаться людей, но Вера стояла рядом, а квартира была вот она, настоящая, с царапиной на подоконнике и сломанной створкой. Он слишком долго ходил смотреть чужие комнаты, чтобы легко уйти из этой.

— Мы подумаем до вечера, — сказал он.

Сергей посмотрел на часы.

— Думайте. Только без обид, если заберут.

Домой Павел принёс адрес и цифры.

Мать долго вытирала руки полотенцем, хотя они уже высохли. Отец сидел у стола, двигал ногтем край клеёнки. Иринка сначала слушала, потом ушла: разговор был слишком серьёзный, поддеть не получалось.

— Хозяина видел? — спросила мать.

— Их нет. Приедут.

— Значит, дождись.

— Мам, там люди тоже смотрят.

— Пускай смотрят.

— А мы опять будем.

Мать села.

— Паша, я тебе что, враг? Деньги кому отдаёшь?

— Вере. Она передаст, с ней договорились.

— А Вера кому?

Он повторил про Сергея. Мать посмотрела на отца.

— Коль, ну скажи ты.

Отец спросил, сколько не хватает до первого взноса. Павел назвал. Ответа ждал долго. Отец поднялся, ушёл в комнату и вернулся с конвертом.

— Это добавлю. Гараж пока не обещаю. Там ещё надо понять, кто и за сколько.

— Коля.

— Ань, я слышу. Пускай бумагу возьмёт. Паспорт переписет. Не пацан уже.

Мать отвернулась к окну.

Павел испытал облегчение, которое сразу испортилось. Ему хотелось, чтобы дали и порадовались, а получилось, будто он выпросил последнее. Он сказал, что может не брать. Отец положил конверт перед ним.

— Не начинай. Возьмёшь — проверяй. Не знаешь как — со мной поедем.

С отцом они не поехали. Павел потом много раз вспоминал, что причина была самая мелкая: в день, когда Сергей соглашался встретиться, Николай Иванович менял дежурство. Можно было передвинуть. Можно было попросить другого человека. Но Вера сказала, что Виктор всё проверил, а Павел не захотел выглядеть мальчишкой, которого на первую самостоятельную покупку ведут за руку.

Деньги он отдал Вере у неё на кухне.

Мать была на работе, Игоря не было. Вера расстелила га-

зету, чтобы пересчитать пачки. Он смотрел, как быстро двигаются её пальцы, и чувствовал неприятное возбуждение: сейчас они делают что-то взрослое, необратимое, а чайник всё так же дребезжит на плите.

— Вот это твоё, — сказал он, показав на отдельную пачку.

— Я записывал.

— Теперь всё общее.

Она взяла карандаш, сложила цифры. Павел достал приготовленный листок.

— Расписку надо.

Вера перестала считать.

— Ты мне не веришь?

Он почувствовал, что всё делает не так.

— Не тебе. Ну, просто чтоб было. Я же у отца взял.

Она посмотрела на него, потом села и написала. Долго выбирала, как назвать назначение: на квартиру, для передачи, за квартиру. Павел говорил, она перечёркивала. В конце переписала начисто. Он прочитал, увидел её фамилию, сумму, адрес и подпись. Стало спокойнее.

— Теперь доволен?

— Вер, ну чего ты.

Он хотел обнять её. Она не отстранилась, но обняла одной рукой, продолжая другой прижимать деньги к газете. Павел поцеловал её в волосы.

— Представляешь, наш балкон будет.

— Представляю.

Через три дня Сергей куда-то уехал. Потом приехали не все документы. Затем хозяева не смогли попасть на автобус. Объяснения менялись, но каждое по отдельности казалось возможным.

Павел сначала не торопил. Потом начал спрашивать чаще.

— В пятницу, — говорила Вера.

— Ты говорила в среду.

— Перенесли. Я что, виновата?

Павел больше не открывал коробку: всё до последней купюры отдал Вере. Отец один раз поинтересовался, когда встреча с хозяевами. Павел сказал, что скоро. Мать не спрашивала, и это было хуже.

Однажды Павел поехал на Лесную сам.

Дверь открыла женщина с полотенцем на плече. Из квартиры доносился детский плач. Павел извинился и назвал фамилию, которую помнил с показанных бумаг.

— Они не живут здесь, — ответила женщина. — Мы сняли.

— Давно?

— С той недели. А что?

Он посмотрел через её плечо. Там, где они с Верой стояли и выбирали место для стола, лежал раскрытый чемодан.

— Они продавать собирались.

Женщина нахмурилась.

— Не знаю. Нам на полгода сдали.

— Сергей показывал?

— Мужчина. Я фамилию не помню. Муж договаривался. Ребёнок заплакал громче. Женщина повернулась внутрь, потом снова к Павлу.

— Вы, если надо, вечером приходите, когда муж будет. Я сама ничего не знаю.

Он поблагодарил и спустился по лестнице.

Во дворе пожилой мужчина красил скамейку. Павел остановился рядом, хотя садиться не собирался. Мужчина покопился на него и предупредил, что краска свежая.

Павел кивнул.

К Вере он пришёл прямо с Лесной. Она сидела у окна, подшивала низ новой юбки. На столе стояла чашка с остывшим чаем. Увидев его, отложила ножницы.

— Ты чего так рано?

— Там живут.

Она молчала.

— В квартире. Семья. Им на полгода сдали.

— Подожди, — сказала Вера.

— Я подождал. Сколько ещё?

Она встала, прошла на кухню, хотя ничего там не понадобилось. Павел пошёл за ней.

— Где деньги?

— У Сергея. Я тебе говорила.

— Тогда поехали к Сергею.

— Его нет.

— Где он живёт?

— Не знаю я, Паша!

Он испугался не крика, а того, как быстро она покраснела.

— Вер. Ты же передавала.

— Через Виктора. Он передал. Отстань, я узнаю.

Павел положил ладони на стол. Клеёнка под пальцами была липкая от чая.

— Ты сказала, что сама.

Вера смотрела в окно. Он ждал, что она повернётся и объяснит. Может, просто оговорилась. Может, действительно через Виктора, а он не так понял. В комнате тикали дешёвые часы, которые всё время спешили.

— Я разберусь, — сказала она наконец. — Только не дави на меня. Мне и так тошно.

Впервые за всё время Павел не подошёл её утешать.

Глава 6

Чужая дверь

Отец ждал его на кухне. Перед ним лежала газета, раскрытая на объявлениях. Павел сел напротив и сразу понял, что придётся рассказывать.

— Мама спит?

— У Иры в комнате. У той зуб болит.

Николай Иванович снял очки, сложил дужки.

— Что с квартирой?

— Разбираются.

— Кто?

Павел рассказал про жильцов. Про Сергея, которого не было. Про деньги, переданные через Гордина. Пока рассказывал, всё становилось хуже: то, что ещё несколько часов назад казалось запутанной задержкой, вслух складывалось в простой и неприятный порядок.

Отец дослушал, ничего не уточняя.

— Бумага у тебя?

Павел принёс расписку. Николай Иванович прочитал, перевернул, посмотрел оборот.

— Тут от неё. От того человека нет.

— Она же через...

— Я вижу.

Павел вдруг разозлился.

— Ну скажи, что я дурак. Чего тянешь?

Отец положил бумагу на стол.

— Я тяну?

Из комнаты слышалось движение. Оба замолчали. Мать прошла в ванную, не заглянула на кухню. Павел смотрел на край газеты.

— Деньги вернуть надо, — сказал отец тише. — Завтра поговори. Спокойно. Сразу всю компанию собери, кто кому передавал.

— Я пытался.

— Значит, ещё попробуй. Только без геройства. Ты сейчас злой.

— А ты бы не был?

— Был бы.

Отец встал, достал из шкафа хлеб, отрезал два куска. Один положил перед сыном, второй взял себе. Ели молча, хотя оба не хотели. Павел потом не мог вспомнить, зачем они ели этот сухой хлеб. Возможно, отец просто не знал, чем ещё занять руки.

На другой день Вера встретила его возле остановки раньше обычного. Сама пришла к мастерской. От этого Павел обрадовался, прежде чем успел вспомнить, зачем они встретились.

— Я поговорила, — сказала она. — Виктор говорит, это недоразумение.

— Какое?

— С хозяевами что-то. Через родственников сдавали, не предупредили. Деньги вернут.

— Когда?

— На неделе.

— Пойдём к нему.

Вера сцепила руки на ручке сумки.

— Зачем?

— Чтобы он мне сказал. Это мои деньги, отца. Мне надо знать.

— Ты опять кричать будешь.

— Я не кричал.

Она посмотрела на него так, будто он уже кричит, и от этого ему действительно захотелось повысить голос.

— Давай вечером, — сказал он. — Я спокойно.

Вера отвела глаза.

— Его вечером не будет. Завтра после шести можешь зайти. На Советскую.

— Куда на Советскую?

Она назвала дом и квартиру.

— Он там бывает. Только сначала позвони в дверь. Не надо стучать на весь подъезд.

— Я умею.

— Я просто говорю.

Павел записал адрес на обороте рабочего листка. Вера стояла рядом, и было странно, что они разговаривают как люди, у которых один общий неприятный вопрос и больше ничего.

— Ты со мной?

— Я не знаю. На работе надо посмотреть.

Он кивнул. Хотел поцеловать на прощание, но она уже поворачивалась к автобусу.

На Советскую Павел пришёл на следующий день. Дом стоял за кинотеатром, старый, с высокими окнами. В подъезде было прохладно. На первом этаже пахло кошками, на втором — кофе. Нужная квартира оказалась на третьем.

Он позвонил. Внутри что-то упало, потом за дверью спросили:

— Кто?

Голос был Верочкин.

Павел посмотрел на номер квартиры, как будто мог ошибиться не дверью, а тем, что слышит.

— Я.

Пауза длилась недолго, но он успел понять, что она не пойдёт сразу.

Щёлкнул замок. Вера приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы видеть его. На ней был зелёный халат.

Он покупал этот халат в феврале, на её день рождения. Долго выбирал с Иринкой. Сестра браковала всё яркое, потом нашла зелёный с маленькими пуговицами и сказала, что такой не стыдно носить не только в больнице. Вера тогда смеялась, примеряя, и рукав ей был чуть длинен.

Сейчас рукав был закатан.

— Паш, — сказала она.

Он потянул дверь на себя, и она отступила. В прихожей на полу стояли мужские туфли, рядом Верины сапоги. На вешалке висела её куртка. Всё это он увидел сразу, без желания разглядывать, и каждая вещь оказалась хуже предыдущей.

Из комнаты вышел Гордин. В брюках и светлой майке, с полотенцем на плече. Посмотрел на Павла, потом на Веру.

— Чего пришёл?

— Ты же сказал...

Павел остановился. Не Гордин сказал. Она сказала.

Вера закрыла дверь за его спиной.

— Я думала, позже, — произнесла она зачем-то.

Павел стоял между ними и дверью. В кармане лежала рас-

писка, приготовленная на случай серьёзного разговора. Он ещё днём представлял, как спокойно достанет её, назовёт сумму, договорится о сроке. Теперь хотелось вынуть бумагу и разорвать, лишь бы не стоять здесь просителем.

— Ты здесь живёшь?

Вера молчала.

Гордин повесил полотенце на спинку стула.

— Сядь, если разговаривать пришёл.

— Я её спрашиваю.

— Я слышу.

Павел повернулся к Вере.

— Скажи.

Она стояла, держась за верхнюю пуговицу халата. Лицо сначала было белое, теперь на щеках появились красные пятна.

— Да, — сказала она.

За стеной кто-то смеялся. Обычный соседский смех, не про них. Павлу показалось, что смеются в комнате рядом, и от этого захотелось проверить, нет ли ещё кого-нибудь.

— Давно?

— Паша, не надо.

— Давно?

Гордин сделал шаг к нему.

— Ты чего на неё давишь? Она тебе ответила.

Павел посмотрел на его грудь, на маленький шрам возле ключицы. Потом на лицо. Гордин не был ни особенно

крупным, ни особенно страшным. Обычный мужчина, старше него. Но стоял так, как Павел нигде не умел стоять: будто всё помещение и время в нём принадлежали ему.

— Отойди, — сказал Павел.

— Ты не путай, куда пришёл.

Вера быстро встала между ними, повернувшись к Павлу.

— Хватит. Что ты хочешь услышать? Что я с тобой больше не хочу? Не хочу.

Он смотрел на неё и ждал, когда она договорит что-то другое. Что испугалась, ошиблась, что здесь обстоятельства. Вместо этого она продолжила:

— Ты всё время собираешься. Работу сменишь, комнату найдёшь. Мне надоело ждать, понимаешь?

Гордин стоял за её плечом. Павел видел его, даже когда смотрел на Веру.

— Мы вместе искали.

— Да. В тазу жить. У бабки над аптекой.

— Ты сама сказала не брать.

— Потому что у меня ещё голова есть.

Гордин коротко усмехнулся. Может быть, не над ним, но Павел слышал именно так.

— Ты же ко мне приходила, — сказал он. — Всё это время.

Вера закрыла глаза и открыла снова.

— Приходила. Теперь не буду.

Ему стало холодно в спине. Захотелось сесть, как предло-

жили, только садиться было нельзя: тогда придётся смотреть снизу вверх. Он переставил ногу, чтобы стоять устойчивее.

— Деньги верни.

Вера оглянулась на Гордина. Совсем быстро, но Павел заметил.

— По деньгам разберёмся, — сказал тот. — Тебе объясняли.

— Мне она объясняла, что за квартиру. А квартира сдана.

— Значит, сделка не пошла. Бывает. Никто тебя не обокрал.

— Тогда верни.

Гордин сжал губы.

— Ты со мной на базаре, что ли?

— А где я с тобой?

Повисла пауза. Павел вдруг понял, что очень близок к тому, чтобы ударить его. Не потому, что рассчитывает победить. Просто иначе некуда деть то, что раздувалось под рёбрами. Он сунул руки глубже в карманы.

Вера тихо сказала:

— Паша, уйди. Пожалуйста.

Ему надо было уйти сразу. Он потом сам не понимал, почему остался ещё на несколько секунд, зачем спросил:

— А халат зачем взяла?

Вера посмотрела на рукав, будто только теперь заметила, во что одета.

Гордин сказал:

— Всё, парень. Поговорили.

Дверь открыл сам. Не толкнул, не схватил. Просто отступил в сторону и держал ручку, пока Павел не вышел.

На лестнице Павел остановился. За дверью было тихо. Он ждал, что Вера выйдет следом, хотя бы на минуту. Потом снизу поднялась женщина с тяжёлой сумкой, и пришлось пропустить её.

Потом он пошёл вниз.

Возле кинотеатра сидели люди, доедали мороженое. Мальчишка пробежал мимо с пластмассовым пистолетом, крикнул кому-то «стой». Павел шагнул в сторону и только тогда понял, что мешает проходу.

Домой не пошёл. Долго ходил по улицам, потом оказался у гаражей. Валерка чинил велосипед. Увидел его, прищурился.

— Ты чего?

— Дай покурить.

Валерка молча дал. Не стал говорить, что Павел не курит. Посмотрел, как он прикуривает, и отложил ключ.

— С Веркой?

Павел кивнул.

— К другому?

Кивнул ещё раз.

Валерка выругался, потом сел на ящик. Павел ждал, что начнутся советы: забыть, напиться, найти лучше. Валерка спросил:

— Домой можешь идти?

— Чего не могу?

— Не знаю. Спрашиваю.

Некоторое время курили. Павел рассказал про халат. Всё остальное сказать не смог. Валерка слушал, глядя на разобранное колесо.

— Забудь халат, — сказал он наконец. — Хрен с ним.

Павел бросил окурок под ноги и раздавил сильнее, чем требовалось.

— Деньги там.

Он рассказал и про деньги. К концу у Валерки исчезло выражение удобной жалости.

— Ты бумагу взял?

— Взял.

— Тогда к юристу надо.

— Он мент.

— Ну и что? Все, что ли, его? Есть же кто-то над ним.

Павлу стало немного легче от самой мысли, что можно обратиться к кому-то над Гординым. Не толкаться в чужой прихожей, не смотреть на Верину пуговицу. Показать бумагу, рассказать, и кто-нибудь взрослый скажет, как действовать.

Дома мать сразу увидела, что случилось. Не подробности, а саму беду. Он попытался пройти в комнату, она остановила в коридоре.

— Паша?

— Потом.

Она не пустила дальше, только взяла за плечи. Он стоял, выше неё почти на голову, и внезапно захотелось разреветься. Стиснул зубы так, что заболели скулы.

— Ничего, — сказала мать. — Заходи. Разденешься сначала.

Она говорила о куртке, об обуви, о еде, потому что всё остальное пока нельзя было сказать без того, чтобы он не сорвался.

Отец пришёл позднее. Павел сам вынес ему расписку.

— Вот. Она с ним живёт.

Николай Иванович сел.

— А деньги?

— Обещает вернуть.

— Кто?

— Он.

Отец долго разглаживал бумагу. Потом сказал, что в понедельник узнает насчёт юридической консультации. Без злости, без «я предупреждал». Павлу от этого было хуже.

Ночью он достал из шкафа коробку из-под бритвы. Внутри лежала Иринкина записка, которую не заметил раньше: «Свадебный фонд. Меня не забыть».

Павел смял её, потом расправил и убрал обратно.

Заснуть не получалось. Он всё время видел дверь, за которой Вера уже жила, пока он носил её сумку и спрашивал, какие цветы посадит на балконе.

Глава 7

Подпиши здесь

В понедельник Павел не поехал к юристу. На работе сломался подъёмник, мастер попросил остаться. Павел согласился с облегчением: весь день можно было крутить, снимать, держать, подставлять плечо и ни разу не объяснять, как отдал деньги человеку, который теперь спит с его девушкой.

Во вторник он задержался сам. В среду отец ничего не спросил, только оставил на тумбочке адрес консультации и часы приёма. Павел сложил листок вчетверо и убрал к расписке.

В четверг к нему подошёл Гордин.

Прямо у проходной, когда Павел вышел покурить с мужиками. Он уже привык курить за компанию, хотя от первой сигареты с утра мутило. Гордин был в гражданском, держал под мышкой кожаную папку. Поздоровался с мастером так, словно давно знакомы, потом повернулся к Павлу.

— Отойдём.

Не спросил.

Павел бросил сигарету в урну. Они прошли вдоль ограды. За спиной мужики сразу заговорили тише.

— Ты чего ходишь за ней? — спросил Гордин.

Павел сначала не понял.

— Я не хожу.

— В воскресенье у рынка был?

— Деньги спросить.

— А ей страшно.

У Павла стало горячо под воротником.

— Я её не трогал.

Гордин кивнул, как будто именно этого ответа ждал.

— Есть заявление. Там написано по-другому. Съездишь, объяснишься.

— Какое заявление?

— Обычное. О том, что не надо с ней так разговаривать. Тебя по-человечески предупреждали.

Павел посмотрел на папку.

— Она написала?

Гордин промолчал.

— Покажи.

— Ты слова выбирай. Не на свидании.

С проходной вышел мастер и остановился возле двери. Гордин заметил его, шагнул к Павлу ближе.

— Хочешь деньги — разбирайся законно. А к ней больше не подходи. Понятно?

— Тогда верните их.

Гордин несколько секунд смотрел ему в лицо. Потом поправил папку под мышкой.

— Дурак ты ещё, Паша. Вроде служил, а не дошло ничего.

В отдел Павел поехал на другой день, получив вызов. Ему пришлось снова отпрашиваться. Мастер сначала спросил, серьёзное ли, потом, не дождавшись ответа, махнул рукой:

иди, только не тяни до вечера.

В коридоре было так же, как зимой, когда они ждали Игоря. Те же часы, скамейка, продавленная посередине. Только Веры рядом не было.

Объяснение у него брал молодой сотрудник с усталым прыщавым лицом. Долго искал чистый лист, ругался на чужую ручку. Павлу даже стало немного легче: сейчас этому человеку расскажет, тот разберётся. Гордин, наверное, просто пугает.

— Фамилия, имя, отчество.

Павел назвал.

— Лапину Веру Алексеевну знаете?

— Знаю.

Сотрудник начал читать. Сначала было похоже на правду: встречались, отношения прекращены, заявительница не желает общения. Потом появились слова про грубые угрозы, хватание за руки, обещание «не оставить в покое». Павел наклонился вперёд.

— Я не хватал.

— Я вам читаю.

— Но я не хватал.

Сотрудник поднял глаза.

— Вот и напишем, что вы отрицаете. Дайте дочитать.

Он дочитал, переложил лист и спросил, был ли Павел у квартиры на Советской.

— Был. Она сама адрес дала.

— Цель посещения?

— Деньги забрать.

— Какие деньги?

Павел достал расписку. Сотрудник прочитал внимательно, чем всё до этого, уточнил сумму, дату. Потом отдал.

— Это у вас отдельная история. Про деньги отдельно решайте. А здесь отношения.

— Да из-за денег я пришёл.

— Я понял.

Он записывал, и Павел смотрел на движение ручки. В бумаге появлялся другой человек: гражданин Крылов, который посещал, требовал, отрицал. Павлу захотелось объяснить, что они хотели жить вместе. Что он видел эту квартиру на Лесной. Что там балкон, он сам собирался поправить створку. Слова звучали бы нелепо, и он не стал.

Когда протянули лист, Павел прочитал его два раза. Одна фраза не понравилась: «Возможно, высказывался в резкой форме». Он попросил изменить. Сотрудник вздохнул, перечеркнул, дал написать собственноручно.

Павел написал: «Угроз не высказывал. Пришёл с целью возврата денег, переданных на приобретение квартиры». Подписал.

— Теперь домой можно?

— Пока да.

Слово «пока» он слышал уже в дверях.

На выходе встретил Гордина. Тот стоял у подоконника с

другим мужчиной, оба пили чай из гранёных стаканов. Павел остановился.

— Я по деньгам заявление напишу.

Гордин повернулся к собеседнику.

— Слышишь? Напишет.

Мужчина пожал плечами, даже не посмотрев на Павла.

— Пусть пишет.

Это было сказано без угрозы. Именно поэтому Павлу стало страшнее, чем во время разговора у мастерской.

В консультацию он попал после обеда. Узкий коридор, пальто на общей вешалке, женщина за столом возле входа. Его направили в кабинет, где сидела полная седая юристка. Выслушала без сочувственных вздохов, забрала расписку, стала задавать вопросы. Где передавал, кто видел, что именно написано, были ли документы собственника.

Павел отвечал всё тише.

— Требовать будете с получателя по этой бумаге, — сказала она. — А что там передавалось дальше, придётся устанавливать. Хотите сообщить об обмане — изложите факты. Только без «они все заодно», а то читать невозможно будет.

— А если он в милиции?

— Это не делает деньги его собственностью.

— Я не про это.

Она сняла очки.

— Я понимаю, про что вы. Но сейчас вы сидите и заранее доказываете мне, что ничего сделать нельзя. Я так работать

не могу.

Павел опустил глаза. Юристка немного помолчала, потом подвинула бумагу обратно.

— Оригинал берегите. Копии сделайте. Девушке спокойно направьте требование о возврате. Не ходите ругаться. Вам сейчас любая сцена повредит.

На улице он постоял с адресом мастерской, где делали копии. Деньги на консультацию были почти последние до получки. Хотелось пойти к Вере и показать ей пустой кошелёк, чтобы наконец поняла. Именно этого юристка и велела не делать.

Он пошёл домой.

Мать сидела в комнате, складывала бельё. Отец ещё не пришёл. Павел положил на стол бумагу с советами. Мать спросила, ел ли он. На этот раз он сорвался:

— Мам, ну сколько можно про еду?

Она замерла с наволочкой в руках.

— А про что мне с тобой говорить, если ты ничего не рассказываешь?

Он хотел ответить резко, но посмотрел на неё. По краю наволочки шла новая строчка. Мать опять чинила старое бельё, которое давно можно было пустить на тряпки.

— Извини.

Она кивнула. Продолжила складывать.

— Там, — сказал Павел, — она написала, будто я ей угрожал.

Мать положила наволочку на стопку.

— А ты?

Он почувствовал, как всё внутри упало.

— Что я?

— Я спрашиваю, что ты сказал. Ты ведь когда сердитый...

— Я её не трогал.

— Паша, я не про руки.

Он сел на кровать и закрыл лицо ладонями. Мать больше не спрашивала. Через минуту принесла чай, поставила рядом на табуретку.

Вечером Павел написал Вере требование вернуть деньги. Долго сидел над обращением. Начал «Верочка», зачеркнул. Написал фамилию полностью, как в расписке. От этого всё стало чужим.

На следующий день сделал копии и отправил письмо. Сохранил бумажку с почты в том же конверте. Впервые за несколько недель показалось, что поступил правильно.

Ответа не было.

Вера однажды встретила его у магазина. Он остановился, она тоже. Рядом проходили люди, и Павел старался держать руки на виду, сам не понимая, зачем.

— Письмо получила?

— Получила.

— Ну?

— Я сказала, верну.

— Когда?

Она посмотрела на его грудь, не в лицо.

— У меня сейчас нет.

Впервые прозвучало «у меня», а не «у Сергея» или «Виктор разбирается».

Павел сделал шаг ближе. Вера отступила, и он остановился.

— Ты потратила?

— Я не буду здесь разговаривать.

— На что, Вер?

Она сжала ручки сумки.

— Ты всё равно не поймёшь.

Он коротко рассмеялся, не узнавая собственного голоса.

— Попробуй. Вдруг умный.

Вера прошла мимо. Он повернулся за ней, но не пошёл. Стоял у магазина, пока женщина с ведром не попросила отойти от двери.

В июле Павел встретил Игоря у гаражей. Тот сидел на капоте чужой машины, пил пиво. Поздоровался приветливо, будто между ними ничего не было.

— Паш, ты чего такой? Опять работать?

Павел остановился.

— Часть денег тебе отдали?

Игорь медленно снял ноги с бампера.

— Ты с чего взял?

— Спрашиваю.

— Вот у Веры и спрашивай.

— Я спрашивал. Она говорит, не пойму.

Игорь поставил бутылку на землю.

— Знаешь что, не лезь. Она тебе всё вернёт. Сейчас с деньгами у всех тяжело.

Павел посмотрел на машину. На заднем сиденье лежали картонные коробки с маркировкой. Не те, зимние, но похожие. Рядом стоял двигатель с закрашенным боком.

— У тебя, смотрю, не очень тяжело.

Игорь поймал его взгляд и закрыл дверцу.

— Не твоё.

— Гордин знает, чем ты занимаешься?

Лицо Игоря изменилось. Совсем немного. Он отвернулся к гаражам, потом снова к Павлу.

— Паша, иди домой.

Именно после этих слов Павел решил, что знает.

В августе он ещё раз пришёл в отдел — подать сообщение об обстоятельствах передачи денег. Теперь старался говорить, как советовала юристка: даты, адрес, фамилия, сумма. Заявление приняли после спора, выдали подтверждение. Когда вышел, руки дрожали от облегчения. Он дошёл до остановки, купил газировку и выпил, не чувствуя вкуса.

Гордин появился у мастерской через два дня.

На этот раз не заходил внутрь, дождался Павла возле ворот. Посмотрел на него, спросил:

— Не уgomонился?

— Деньги верните, я уйду.

— Тебе кто что должен, уже проверяют. Чего ты про меня пишешь?

— Что было, то пишу.

Гордин молчал. Потом приблизился, так что Павел почувствовал запах табака и мяты.

— Смотри, чтобы у тебя тоже всё было по закону.

Он ушёл. Павел ещё минуту стоял возле ворот, потом вернулся к верстаку. Взял ключ не того размера, уронил, нагнул-ся. Мастер посмотрел и ничего не спросил.

Дома Павел разложил бумаги по порядку. Расписка, копия письма, почтовая квитанция, копия заявления. Отец сел рядом, прочитал. Сказал:

— Хорошо. Только больше к нему один не ходи.

Павел кивнул.

На кухне щёлкнул выключатель. Мать собиралась спать, Иринка учила в комнате какой-то билет, повторяла слова вполголоса. Павел слышал их через стену и впервые подумал, что эта история уже касается не только его и Веры. От этой мысли стало стыдно и страшно.

Он сложил бумаги обратно. Убрал глубже в ящик, под чистые простыни.

Глава 8

Последняя ссора

Вера позвонила в мастерскую в пятницу, девятого сентября.

Павел держал с мастером тяжёлую крышку, когда из конторки закричали его фамилию. Он решил, что опять милиция. Перехватил железо, помог поставить на деревянные бруски и вытер ладони о штаны.

Телефон стоял на краю стола, трубка лежала рядом с раскрытой ведомостью. На ней отпечаталось чернильное пятно.

— Да.

— Паша?

Он сразу узнал голос. Все слова, которые собирался сказать Вере при следующей встрече, исчезли.

— Что?

— Надо поговорить.

— Говори.

— Не по телефону. Я часть денег нашла.

В конторке сидела табельщица и делала вид, что не слушает. Павел повернулся к окну.

— Сколько?

Вера назвала сумму. Значительно меньше того, что он отдал, но всё же деньги, не очередное обещание.

— Когда?

— Завтра. Вечером. Только один приходи.

— А кто со мной должен?

Она не ответила.

— Где?

Вера назвала старый дом возле нижней дороги. Дом принадлежал её родственникам, потом долго пустовал. Весной

Павел помогал там разбирать веранду: Игорь собирался что-то ремонтировать и просил «на один день». Работали два выходных, а ремонта так и не начали.

— Зачем туда?

— Мне так удобнее.

— Удобнее деньги отдавать в пустом доме?

Табельщица подняла глаза. Павел отвернулся ещё сильнее.

— Паша, пожалуйста. Без разговоров при людях. Я тебе отдам, и всё.

Он помолчал.

— Во сколько?

— К восьми. Я подожду, если удержишься.

В трубке щёлкнуло. Павел ещё несколько секунд держал её у уха.

— Кто? — спросила табельщица, когда он положил.

— Знакомая.

— По деньгам опять?

Он не ответил. Она обиделась и принялась перебирать бумаги.

Весь остаток дня Павел думал не о сумме. Представлял, как они встретятся без Гордина и смогут поговорить нормально. Он не хотел её обратно — так говорил себе, — просто хотел, чтобы она объяснила. В памяти Вера всё ещё смеялась, вздыхала, клала ему ладонь на плечо. На Советской она была чужая, и он не мог поверить, что это окончательно.

Дома сказал отцу, что завтра обещали вернуть часть.

— Где встреча?

— Возле старого дома. Я знаю место.

Отец нахмурился.

— Давай я с тобой.

— Пап.

— Что пап? Заберём и уйдём.

— Она одна будет.

Николай Иванович посмотрел на него, потом отвёл глаза.

— Не задерживайся там. Слова лишнего не говори. Деньги взял, расписал, сколько осталось, и домой.

Павел кивнул, скрывая раздражение. Ему был двадцать один год. Он отслужил, работал и приводил Веру сюда ночевать, а отец объяснял, как с ней разговаривать.

В субботу до обеда он разбирал с Валеркой старый мотоцикл. Тот купил его на двоих с двоюродным братом, и теперь каждый хотел переделать под себя. Павел снимал бак, держал мелкие болты в крышке от банки. Работа была понятная, но руки всё время торопились. Он царапнул костяшку о ржавый край и выругался.

— Ты куда летишь? — спросил Валерка.

— Никуда.

— Уже третий болт чуть не потерял.

Павел обмотал палец тряпкой. Потом рассказал про встречу.

Валерка сел на корточки возле колеса.

— Вернёт?

— Не всё.

— Хотя что-то. Забери и закрой. Потом через бумаги разбирайся.

— Я и так.

— Ты только это, Паш. Не начинай заново.

Павел выпрямился.

— Что заново?

— Ну ты понял.

Он понял и оттого разозлился. Все почему-то заранее знали, что он не справится с собой. Никто не говорил Вере, чтобы не брала чужих денег. Ему говорили не начинать.

К вечеру пошёл дождь. Валерка закатил мотоцикл в гараж и позвал к знакомым: у одного из ребят родился сын, отмечали без жён, потому что жена ещё в роддоме. Павел сначала отказался. Потом решил зайти ненадолго. До восьми оставалось несколько часов, домой идти не хотелось.

В комнате было жарко. На столе стояли банки с огурцами, нарезанная колбаса и кастрюля картошки, которую принесли с кухни целиком. Кто-то всё время прибавлял звук у магнитофона, хозяин убавлял: мать в соседней комнате спала после смены. Мужчины вставали курить на лестницу и возвращались, впуская в комнату холод.

Павел выпил за ребёнка. Потом ещё за мать. Ему задали вопрос про Веру, он ответил коротко, а кто-то сказал, что женщин много. Он посмотрел на говорившего и ничего не

сказал. Через несколько минут налил себе сам.

Валерка заметил.

— Тебе же ехать.

— Я не за рулём.

— Я не про руль.

Павел отодвинул стакан, но тот уже был пуст. Поел немного колбасы, почувствовал, что во рту стало солоно и сухо. В голове было легко, как после целого дня тяжёлой работы, когда наконец садишься.

Вышел он позже, чем собирался. Валерка пошёл проводить до остановки.

— Давай я рядом постою. Не полезу.

— Не надо.

— Паш.

— Я сказал, не надо.

Автобус подошёл почти сразу. Павел вошёл, не обернувшись. Из окна увидел Валерку под козырьком остановки. Тот стоял, засунув руки в карманы, и смотрел не на автобус, а в сторону дороги.

До нижней улицы пришлось идти пешком. Дождь уже перестал, но в ветвях стояла вода, и от каждого порыва сыпались крупные капли. Пахло мокрой землёй и рекой. Света было мало. В частных домах горели окна, где-то играло радио.

Павел на ходу закатал мокрые рукава. Один опустил, он оставил как есть.

Вера ждала в кухне. Свет под потолком был тусклый, абжур висел криво. На столе лежала её сумка. Она была в сером свитере, который Павел помнил ещё по прошлой зиме. От этого стало больно: обычная Вера, которую можно обнять, если забыть последние месяцы.

— Ты пил, — сказала она.

— Немного.

— Я просила просто прийти.

— Я и пришёл.

Она закрыла дверь на веранду, но не заперла. Павел остался стоять возле стола. В доме пахло пылью, сухой древесиной и чем-то лекарственным. На подоконнике стояла бутылка с водой, рядом — мыльница без мыла.

— Садись.

Он сел. Вера достала конверт, выложила купюры. Пересчитала. Он следил, хотя не сразу мог сложить цифры в голове.

— Это всё?

— Пока да.

— Остальное когда?

— Не знаю.

— Вер, мне надо знать.

Она сложила деньги в ровную стопку.

— Напиши, что получил.

— Давай.

Она достала листок. Павел прочитал первые строки. По-

том вернулся к началу, потому что увидел не то, чего ожидал.

— Здесь что?

— Что получил.

— Здесь что претензий не имею.

Вера молчала.

Он положил лист на стол.

— Ты серьёзно?

— Мне тоже надо понимать, что это закончится.

— Когда отдашь, тогда закончится.

— У меня нет больше!

Он отодвинул стул. Ножка громко царапнула пол.

— А где были?

Она отвернулась.

— Я не хочу опять.

— А я хочу знать. На что?

— Паша, хватит.

Он чувствовал, что говорит слишком громко, но остановиться не мог. Несколько месяцев он ждал нормального объяснения, и теперь даже маленькой правды не давали. Деньги лежали перед ним, а рядом — бумага, по которой он должен был согласиться, что всё в порядке.

— Игорю отдала?

Вера быстро посмотрела на него.

— Не трогай Игоря.

— А он меня не трогал? Вы ко мне в карман оба залезли.

— Не оба.

Он услышал это, но она уже заговорила дальше:

— Ты думаешь, я от хорошей жизни? Ты думаешь, мне легко?

— Со мной легко было. Пока брать надо.

Вера выпрямилась.

— Ты сейчас всё в деньги сведёшь, да?

Павел засмеялся. Смех получился грубый, чужой.

— А во что мне? В любовь? Ты мне любовь вернёшь?

Она убрала руку со стола. Некоторое время оба молчали. Павел слышал, как капает с крыши на железную бочку за окном. Капли были неровные: три быстро, потом долго ничего.

— Я не хотела, чтоб так, — сказала Вера.

Он посмотрел на неё. На секунду стало легче: вот сейчас скажет по-настоящему. Но она добавила:

— Подпиши. Я потом ещё принесу.

Он взял листок и разорвал пополам.

Вера вздрогнула. Пошла к сумке.

— Тогда всё. Не хочешь, не надо.

— Что не надо?

— Ничего не надо. Я ушла.

Она потянулась к деньгам, и Павел накрыл их ладонью.

— Оставь.

— Убери руку.

— Это мои.

Она взяла стопку за край. Он поймал её за запястье.

Потом всё произошло быстро. Вера дёрнулась, локтем за-

дела кружку. Та упала, не разбилась, покатилась под стол. Вера ударилась лицом о выступающий край полки возле окна — или он потянул слишком резко, Павел не смог бы потом сказать, какой именно толчок оказался первым. Раздался короткий звук, не похожий на крик. Она закрыла рот ладонью.

Он сразу отпустил.

— Вер.

Она посмотрела на пальцы. Между ними краснело.

— Отойди.

— Я не хотел.

— Отойди от меня.

Он стоял, не понимая, как теперь прикоснуться, чтобы помочь, и как не прикоснуться, если течёт кровь. Схватил с подоконника тряпку, потом увидел на ней грязные разводы и отбросил. Налил воды из бутылки. Часть пролилась мимо кружки, которую он уже поднял с пола.

Вера села на край старого дивана. Прижимала к губе салфетку из сумки. Павел присел перед ней.

— Покажи.

Она ударила его ладонью по плечу, не сильно, чтобы отодвинуть. На рубашке остался красный отпечаток.

— Не трогай. Я сказала.

Ему стало страшно. Не того, что кто-то узнает, а её лица: она смотрела на него как на человека, от которого надо защищаться. Он узнал эту возможность в себе только сейчас

и захотел немедленно отменить всё, вернуться на несколько минут назад, не пить, не хватать, не приходить.

— Давай скорую.

— Не надо.

— У тебя кровь.

— Я вижу.

Она отняла салфетку. Губа распухла, под носом была узкая красная полоска. Вера осторожно ощупала зубы языком, поморщилась.

— Целые? — спросил он.

Она не ответила.

Павел принёс воду. На этот раз Вера взяла кружку. Полоскала рот, сплёвывала в пустую банку, которую нашла под столом. Он стоял рядом и ничего не мог сделать без того, чтобы не мешать.

— Уйди, — сказала она.

— Я подожду.

— Не надо ждать. Уйди.

Он отступил к столу. На пальцах у него была её кровь, и когда вытер ладонь о рубашку, понял, что сделал ещё хуже. Попробовал стереть мокрой тряпкой, но только размазал. Кровь выступила и на разбитой у мотоцикла костяшке.

Вера смотрела на него. Не плакала.

— Я всё расскажу, — сказала она.

Ему показалось, что речь про Гордина, про очередное заявление, про то, что теперь ему никто никогда не поверит.

— Расскажи. Про деньги тоже Расскажи. Про брата. Про Виктора своего.

Она молчала.

— Я в прокуратуру пойду. Хватит уже.

— Иди.

Она сказала это почти шёпотом.

Он ударил ладонью по дверному косяку. Сухо, больно. Вера вздрогнула и вжалась в спинку дивана.

— Ты мне всю жизнь испортила, — сказал Павел.

Она прикрыла глаза. Он уже шёл к двери, когда добавил:

— Если ты ещё раз...

Не договорил. Или договорил иначе — потом он не был уверен. В памяти осталось тёмное оконное стекло и Верина рука с белой салфеткой возле рта.

На веранде пришлось искать щеколду, хотя дверь не была заперта. Он толкал не туда, потом открыл. Выскочил во двор, остановился возле ворот. Дышал ртом. Хотел вернуться и извиниться, но за дверью что-то звякнуло, и он решил, что Вера уже встаёт, собирается, что лучше уйти.

Дождь начался снова.

До нижней дороги Павел дошёл быстро. Потом остановился, потому что не мог вспомнить, взял ли деньги. Полез в карман: купюры были там, сложенные неровно. Не помнил, как убирал. Вытащил, пересчитал до половины, запутался, убрал обратно. Ладонь дрожала.

Он пошёл к реке. Домой нужно было подниматься в гору,

а вниз идти легче. Возле старого причала присел на ступеньку, упёрся локтями в колени. Вода темнела под досками. Где-то за поворотом гудел двигатель, потом стих.

Павел долго сидел, то поднимая голову, то снова опуская. Ему казалось, прошло несколько минут. Когда встал, ноги затекли. На штанине прилипла мокрая трава.

Что-то нужно было сделать. Он всё время возвращался к этой мысли, но она не складывалась в действие. Сходить обратно? Вызвать врача? Позвонить Валерке? Пока представлял, как объяснит Валерке, что ударил Веру, становилось тошно. Он не ударил её кулаком. Но она ударилась из-за него, и это уже нельзя было переставить словами.

На верхнюю дорогу вышел не там, где собирался. Узнал только магазин, закрытый металлическими ставнями. Постоял под навесом, пока прошёл сильный дождь. Потом пошёл дальше.

Домой вернулся поздно.

Мать открыла сразу. Была в халате поверх ночной рубашки. Посмотрела на его лицо, потом на одежду.

— Ты где был?

— Говорил.

— Пил?

Он кивнул.

— Деньги отдала?

Павел достал купюры, положил на тумбочку. Мать не стала считать. Из комнаты вышел отец.

— Что на рубашке?

Павел посмотрел вниз, будто впервые увидел.

— Кровь.

Отец подошёл ближе.

— Чья?

— Верина.

В прихожей стало тихо. За стеной шёл телевизор, и из него вдруг очень громко засмеялись.

— Что ты сделал? — спросил отец.

Павел поднял голову.

— Она ударилась. Я за руку взял, она...

Он замолчал. Не получалось сказать так, чтобы не прозвучало оправданием.

Мать потрогала его лицо, отвела ладонь: кожа была мокрая от дождя, не от крови.

— Она дома?

— Не знаю.

— Ты её где оставил?

Павел назвал дом. Отец начал одеваться.

— Я схожу.

— Не надо. Она уйдёт уже. Там ничего такого.

— Ты откуда знаешь?

Павел сел на тумбочку, хотя мать всегда запрещала. В голове шумело, и стоять стало трудно.

Отец всё-таки вышел. Вернулся через некоторое время, промокший и злой. Сказал, что в доме темно, дверь закры-

та снаружи, никто не отвечает. У Лапиных Веры тоже нет. Людмила Алексеевна решила, что она у Виктора.

— Значит, ушла, — сказал Павел.

Отец посмотрел на него, расстёгивая куртку.

— Ложись. Завтра разговаривать будем.

Мать принесла сухую одежду. Рубашку Павел не отдал. Сказал, что сам стирает, и бросил в таз в ванной. Включил холодную воду, потом выключил, потому что не смог найти мыло, хотя оно лежало перед ним.

В комнате Иринка делала вид, что спит. Он слышал, как она слишком ровно дышит за стеной.

Лёг не раздеваясь до конца. Закрыв глаза и снова увидел белую салфетку. Вера сидела на диване, прижимала её ко рту, смотрела прямо на него. Он пытался вспомнить, что сказал последним, но фраза каждый раз получалась разная.

Потом ему приснилось, что он всё ещё у двери. Никак не может открыть, тянет на себя, толкает, а Вера зовёт из комнаты. Он проснулся, сел и долго слушал тишину квартиры.

Было ещё темно.

Глава 9

Никто не видел

Утром Павел долго смотрел на свои руки.

На одной костяшке засохла кровь. Под ногтями темнела грязь, которую он не смог вымыть ночью. Правая ладонь болела у основания большого пальца. Он вспомнил удар о ко-

сяк, потом — Верину руку, которую схватил слишком сильно, и накрыл кисти одеялом.

Хотелось ещё поспать. Проснуться позже, когда уже можно будет прийти, извиниться, узнать, всё ли у неё нормально. Пока лежал, казалось, ещё ничего окончательно не случилось и достаточно правильно распорядиться утром.

На кухне отец пил чай. Мать стояла у плиты, резала хлеб прямо над тарелкой. Оба посмотрели на него, не поздоровавшись.

— Что вчера было? — спросил отец.

Павел сел.

Рассказал. Не сразу всё, сначала про деньги и бумагу. Потом про руку, кружку, край полки. Пока говорил, отец ни разу не перебил, и это мешало больше вопросов.

— Врач ей нужен был?

— Губу разбила.

— Я не про губу. Ты видел, что с ней потом?

— Она сидела. Разговаривала.

Отец провёл ладонью по лицу.

— Ну и чего ты ушёл?

— Она сама сказала.

Мать поставила перед ним тарелку. Он посмотрел на кашу и отодвинул.

— Не могу.

— Поешь хоть немного.

— Мам.

На этот раз она не настаивала.

Павел оделся и пошёл к Лапиным. Взял деньги, которые Вера отдала, потом оставил половину дома: не знал, на что понадобятся, но идти совсем без денег почему-то боялся.

Дверь открыла Людмила Алексеевна. Волосы у неё были непричёсаны, глаза красные. Павел сразу понял, что отец вчера не рассказал ей всего.

— Не приходила, — сказала она, ещё до его вопроса. — Я думала, у него. Ты к нему ходил?

— Нет.

— Сходи. Может, опять телефон не берут. Мне ж некуда звонить.

— А на работе?

— Сейчас сама пойду. Она там должна быть.

Павел постоял в прихожей. На крючке висел старый Верин плащ, который она перестала носить весной. На табуретке лежала маленькая клеёноччатая сумка матери. В квартире было тихо, даже радио не работало.

— Я с ней вчера виделся, — сказал он.

Людмила Алексеевна посмотрела на него внимательнее.

— Знаю. Она говорила, что деньги отдаст. Отдала?

— Часть.

— Ну и всё. Что вы ещё будете друг друга мучить?

Он не нашёл, что ответить.

На рынке Веры не было. Светлана Ильинична сама развешивала кофты, сердито дёргала за плечики.

— Опять не вышла. Я её вчера отпустила пораньше, а сегодня сама отдувайся. Если увидишь, скажи: пусть не думает, что я до вечера сидеть буду.

Павел спросил, куда та пошла накануне. Хозяйка пожалала плечами.

— Откуда знаю. К тебе, наверное. Всё про деньги говорила.

За соседним прилавком женщина поправляла шапки на верёвке. Услышав, подошла ближе.

— Вы что, опять повздорили?

— Не ваше дело, — сказал Павел и сразу пожалел.

Женщина отступила. Светлана Ильинична посмотрела на него иначе.

Он поехал на Советскую. Нажал звонок, подождал, нажал ещё раз. За дверью было тихо. Из соседней квартиры выглянула пожилая женщина, узнала его и нахмурилась.

— Опять к ним?

— Вы не видели, девушка приходила?

— Какая девушка?

Он описал Веру. Женщина выслушала, но отвечать не спешила.

— Не видела. Я за всеми не смотрю.

Дверь закрылась.

Павел спустился вниз. Простоял возле подъезда несколько минут, потом пошёл к старому дому. Ему хотелось, чтобы Вера оказалась там: сидела злая, упрямая, не желающая

никого видеть. Пусть бы накричала на него. Пусть бы попросила ещё денег. Лишь бы можно было закончить вчерашний разговор иначе.

Калитка была закрыта, но не заперта. На мокрой земле отпечатались следы. Павел посмотрел на собственные ботинки: рисунок подошвы оказался похожим. Он переступил на траву, потом понял, как глупо это выглядит, и вернулся на дорожку.

Дверь на веранду закрыли на всякий замок. Окна темнели. Павел постучал, позвал Веру. Никто не ответил.

За оградой появилась соседка в ватнике. В руках держала охапку выдранной травы.

— Чего надо?

— Веру не видели? Здесь вчера была.

Женщина прищурилась.

— Была. А ты с ней?

— Да.

— Это ты орал?

Он почувствовал, как лицо налилось жаром.

— Мы разговаривали.

— Слышала я, как вы разговаривали.

— Когда она ушла, не видели?

Женщина помолчала. У неё на щеке прилип сухой лист, но она не замечала.

— Не видела. Темно уже было. Дождь. Я дома сидела.

— А кто закрывал?

— Откуда знаю. Вы хозяева, вы и закрывали.

Он хотел сказать, что не хозяин, потом махнул рукой и вышел за калитку.

На дорогу спустился медленно. У старого причала никого не было. Ступенька, на которой он сидел ночью, блестела от воды. Павел постоял над ней, пытаясь восстановить вчерашний вечер по порядку. Встреча, деньги, кружка, кровь, дверь. Потом река. Между двором и рекой — короткий провал, как если бы пропустил несколько страниц. Он знал, что прошёл это расстояние, но не видел его в памяти.

Пошёл вдоль берега, хотя не мог объяснить, зачем. Смотрел на кусты, на пустые бутылки в траве, на привязанную лодку. Вода была тёмная, непрозрачная. Он вдруг подумал, что Вера могла тоже прийти сюда, поскользнуться, упасть. Отогнал мысль, но уже стал внимательнее смотреть вниз.

Домой вернулся к обеду. Сказал, что нигде нет. Мать вытерла руки о фартук.

— Людмиле сказал?

— Сейчас пойду.

Отец снял с крючка куртку.

— Вместе.

Павел не возражал.

У Лапиных уже был Игорь. Ходил по комнате, курил, хотя мать просила не курить в квартире. На столе лежал Верин старый блокнот с адресами. Людмила Алексеевна перебирала страницы, возвращалась к началу, снова перебирала.

— От соседей подруг обзвонили, — сказал Игорь. — Никто.

— Гордин где? — спросил Павел.

— На работе, где. Я передал. Сказали, свяжется.

— Вчера где был?

Игорь остановился.

— Ты меня спрашиваешь?

Отец положил ладонь Павлу на плечо.

— Не сейчас.

Людмила Алексеевна вдруг заплакала. Не громко, без слов: лицо просто сморщилось, и она зажала рот концом полотенца. Игорь отвернулся к окну. Павел смотрел на неё и чувствовал себя виноватым в том, что не может сказать ничего полезного.

Отец усадил её, налил воды. Сам спросил у Игоря, подали ли заявление об исчезновении. Тот ответил, что собираются, надо фотографию найти. Николай Иванович сказал, что ждать нечего, и они стали искать снимок.

Павел знал, где лежат фотографии: в комнате, на верхней полке, в коробке из-под обуви. Несколько месяцев назад Вера показывала ему школьный выпускной. Она смеялась над собственной причёской, а он сказал, что и такая красивая. Теперь коробку достал Игорь. Снимки рассыпались на столе, один упал под стул. Павел поднял.

На фотографии Вера стояла у реки. Ветер раздувал волосы, она держала туфли в руке. Снимал Павел, упросив Ва-

лерку дать на день фотоаппарат. Плёнку потом проявляли долго, два кадра засветили, зато этот получился.

Он протянул фотографию Людмиле Алексеевне.

— Вот. Недавняя.

Она посмотрела и заплакала сильнее.

В отдел поехали Игорь с матерью. Павел хотел с ними, но отец сказал, что лучше дожидаться, если понадобится. По дороге домой шли молча. Возле магазина Николай Иванович остановился.

— Ты всё рассказал? Мне?

Павел посмотрел на него.

— Всё.

Отец кивнул, но не пошёл сразу.

— Если что-то не помнишь, так и говори. Не выдумывай, чтобы приличнее было.

— Я не выдумываю.

— Я не сказал, что выдумываешь.

После обеда Павел вернулся к нижней дороге. Там уже ходили люди: Игорь, двое его знакомых, мужчина из соседнего двора. Смотрели за сараями, вдоль забора, звали Веру так, будто она могла сидеть где-то и не слышать. Павел включился сразу, с облегчением: наконец можно было делать хоть что-нибудь.

Он обошёл берег до насосной станции. Раздвигал кусты, заглядывал под мостки. В одном месте увидел в воде светлую ткань, полез вниз, промочил ботинок. Оказался старый

мешок. Он стоял с этим мешком в руке и не понимал, куда его деть. Бросить обратно было почему-то нельзя. Отнёс к куче мусора.

Игорь подошёл, посмотрел на мокрые штаны.

— Ты чего туда полез?

— Показалось.

— Что показалось?

Павел не ответил.

К вечеру его уже спрашивали, не знает ли, где искать. Сначала нормально, потом с другим выражением. Он сам говорил: здесь можно пройти, тут я вчера сидел, там берег ниже. И только позднее заметил, что после каждого такого объяснения на него смотрят всё внимательнее.

Гордин появился, когда начало темнеть. Вышел из машины возле дороги, поговорил с Игорем, потом подошёл к Павлу.

— Ты последний её видел?

Павел выпрямился.

— Не знаю. Я вчера видел.

— Во сколько?

— После восьми.

— До скольких?

Он посмотрел на воду. Время нужно было точное, а точного не было.

— Не помню. Недолго.

Гордин наклонил голову.

— Пили?

— Я до этого.

— Здесь тоже?

— Нет.

— Ссорились?

Павел облизнул пересохшие губы.

— Говорили. Про деньги.

— Соседка слышала другое.

— Мы поссорились, — сказал он. — Потом она ударилась.

Губу разбила. Я хотел врача, она не дала.

Гордин некоторое время молчал. Потом посмотрел на его руку.

— А это?

Павел спрятал кисть в карман и сразу вынул обратно.

— На мотоцикле. Днём.

— Понятно.

Он произнёс это без выражения. От этого Павел впервые почувствовал, что разговора уже не получается. Он что-то сообщает, а Гордин складывает рядом другие вещи, которых Павел не видит.

— Она от вас ушла? — спросил Гордин.

— Я ушёл.

— И оставил?

— Она сказала.

— Ясно.

Павлу захотелось схватить его за рукав и заставить смот-

реть прямо.

— Вы где были вчера?

Гордин перевёл взгляд с его руки на лицо.

— Работал. В отличие от некоторых.

Он отвернулся к дороге. Павел остался на берегу. Далеко за водой зажглись первые огни, кто-то на другом берегу сигналил с машины. Возле кустов Игорь разговаривал с незнакомым мужчиной и несколько раз показывал в сторону Павла.

Домой пришёл с мокрыми ногами. Мать поставила ботинки к батарее, сама сняла с них шнурки, чтобы просохли быстрее. Павел сидел на табуретке и смотрел, как она это делает. Хотел сказать, что не надо, он сам, но сил не было.

Ночью несколько раз вставал. Подходил к окну. У подъезда стояла чужая машина, потом уехала. Может, просто кто-то приезжал к соседям. Он вернулся в кровать и лёг на бок, повернувшись к стене.

В понедельник пошёл на работу.

Мастер увидел его, ничего не спросил про выходные. Дал мелкую работу, которую можно было делать сидя. Павел разбирал крепёж, складывал отдельно годное и сорванное. Всё время ловил себя на том, что смотрит на дверь.

В десятом часу вызвали в контору.

Гордин стоял возле стола. Рядом с ним — ещё один мужчина, старше, в серой куртке. Табельщица сидела, прижав к груди папку. Мастер смотрел в окно.

— Проехать надо, — сказал Гордин.

Павел вытер ладони о рабочие брюки.

— Нашли?

— Там поговорим.

— Веру нашли?

Второй мужчина отодвинулся от двери, освобождая проход.

Павел посмотрел на мастера. Тот повернулся, открыл рот, потом спросил:

— Куртку ему взять можно?

— Возьмёт, — ответил Гордин.

Они пошли через мастерскую. Васька стоял возле верстака, держал тряпку и не двигался. Валерки не было, он работал в другом месте. Павел почему-то подумал, что нужно оставить ему ключ от гаража, который лежит в кармане.

У раздевалки попытался задержаться.

— Я соседке позвоню.

— Потом.

— Матери сказать.

Гордин взял его под локоть. Не больно, но так, что дальше можно было идти только вместе.

— Успеешь.

На улице светило солнце. После двух дождливых дней асфальт уже высыхал, только возле ворот блестела глубокая лужа. Павел обошёл её, чтобы не замочить носки: ботинки с утра всё ещё были сыроваты.

Мужчина в серой куртке открыл заднюю дверцу.

Павел сел, положил ладони на колени. На правой руке темнела царапина. Он повернул кисть вниз.

Дверь закрылась.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Не найдено

Глава 10

До утра

В кабинете Гордин первым делом снял пиджак и повесил на спинку стула. Павел так и остался в куртке. Подкладка возле локтей была влажная: он оделся сразу после работы, не успев остыть.

Мужчина в серой куртке сел у двери. Теперь он молчал и разглядывал ноготь на большом пальце. Гордин достал из шкафа стакан, налил себе воды. Павлу не предложил.

— Давай по порядку. Во сколько пришёл?

— Я же говорил. После восьми.

— После — это в девять тоже после.

— Автобусом ехал. На остановке можно спросить.

— На какой?

Павел назвал. Гордин записал одно слово, не уточняя номер автобуса. За открытой форточкой шумел двор. Кто-то заводил машину, долго не получалось, потом двигатель заработал и почти сразу заглох.

— Позвонила сама?

— В пятницу. На работу.

— Зачем?

— Деньги отдать.

— Отдала?

— Часть.

Гордин поднял глаза.

— Значит, причины сердиться больше не было?

— Остальное-то осталось.

— То есть была.

Павел посмотрел на лист. Гордин ничего не добавил к первому слову. Ему вообще, кажется, не требовалось записывать ответы. Он их уже знал и только проверял, как Павел произнесёт.

— Я могу с тем разговаривать, кто дело ведёт? — спросил Павел.

— А со мной не нравится?

— Вы с ней живёте.

Гордин положил ручку.

— Не живу. И отношения мои здесь не обсуждаются.

Мужчина у двери чуть повернул голову. Павел хотел напомнить зелёный халат, тапочки, голос за дверью, но понял, как это прозвучит. Ревнивый парень снова рассказывает, как у него забрали девушку.

— Воду можно?

Гордин кивнул на кувшин. Павел взял стакан со шкафа.

На дне был белый налёт. Он налил до половины, выпил и поставил стакан на подоконник.

Потом рассказывал всё сначала. Про деньги, порванную бумагу, как поймал Веру за руку, как она ударилась о полку. Про воду и салфетку. Про то, что сама велела уйти.

— А полотенце зачем? — спросил Гордин.

— Какое полотенце?

— Из дома.

Павел вспомнил тряпку с подоконника.

— Вытереть хотел. Оно грязное было, я бросил.

— Куда?

— Не помню. На пол, наверное.

Гордин наконец что-то записал.

Павел потянулся посмотреть, и мужчина возле двери сказал:

— Сиди ровно.

Он выпрямился. Пока ещё казалось, что можно выбрать правильный тон, и тогда всё переменится. Говорить спокойнее. Не огрызаться. Не повторять про деньги, когда их интересуется другое. Он же сам хотел, чтобы Веру нашли.

К обеду приехал следователь прокуратуры. Высокий, худой, с лицом человека, который плохо выспался и не собирается это скрывать. Представился Петром Андреевичем Нестеровым. Взял у Гордина несколько листов, прочитал стоя. Спросил у Павла полное имя, дату рождения, где живёт и работает.

От того, что появился другой человек, Павел почувствовал облегчение.

— Я могу с вами отдельно?

Нестеров посмотрел на Гордина.

— О чём?

— У нас с ним конфликт. По деньгам. Я заявление писал.

— Мне сообщили. Сейчас проверяем исчезновение Лапиной.

— Но это он...

Нестеров поднял ладонь.

— Крылов, я вопрос закончу, потом вы. Договорились?

Павел кивнул. Следователь сел на Гординов стул. Гордин встал у окна. Мужчина в серой куртке вышел и принёс ещё стул, хотя свободный возле стены уже был.

Нестеров спрашивал точнее. Где стояли. Какой рукой держал. В какую сторону Вера повернулась. Сколько выпил. Сколько времени сидел на берегу. Был ли у него ключ от дома. Почему отец нашёл дверь закрытой. Павел отвечал, начинал объяснять одно через другое, возвращался назад. Из-за этого следователь просил повторить.

— Ключа у меня нет. Был весной. Когда веранду разбирали. Отдал Игорю.

— Кому ещё давали?

— Никому. Зачем мне?

— Вы на вопрос отвечайте.

Времени он не помнил. Это оказалось хуже всего. Если бы

сказать точно, во сколько вышел, можно было бы проверить. Он пытался восстановить дорогу: проезжавшая машина, закрытый магазин, река. Чем больше думал, тем меньше доверял тому, что возникало в памяти. Может, магазин вспомнился с воскресенья. Может, двигатель слышал раньше, когда ходили с Верой.

— Вы сами говорите, что были пьяны, — сказал Нестеров.

— Но я её не убивал.

Он произнёс это первым. До этого слова «убил» никто в кабинете не говорил.

Гордин перестал смотреть в окно.

— А кто говорит, что убивал?

Павел почувствовал, как под мокрой подкладкой похолодела спина.

— Вы так спрашиваете.

Нестеров опустил глаза к бумаге.

— Рассказывайте дальше.

Дальше было нечего. Он ещё раз повторил про кружку. Нестеров записывал уже подробно, иногда не отрывая ручки, пока Павел молчал. Когда дал прочитать, там оказалось больше слов, чем Павел помнил за собой. «На почве сложившихся личных неприязненных отношений». «Испытывал сильное душевное волнение». «Не может указать точное время ухода».

— Я не испытывал, — сказал он.

Нестеров посмотрел устало.

— Не волновались?

— Волновался. Но не так.

— Напишите своими словами замечание.

Павел написал. Почерк вышел крупный, злой. Захотелось сразу переписать аккуратнее, но следователь уже забрал лист.

После этого его оставили одного. Мужчина в серой куртке сел снаружи, на стул возле двери. Павел сперва думал, что тот ждёт кого-то ещё. Потом встал, открыл дверь и увидел, как мужчина молча поднимается ему навстречу.

— В туалет.

Тот провёл его по коридору. Остался в дверях.

— Закройте, — попросил Павел.

— Давай быстрее.

Вернувшись, Павел сел на прежний стул. Теперь понял, почему мужчина всё время у двери.

Дома ждали к обеду. Он не предупредил мастерскую, что не вернётся. В голове крутилась мелочь: на верстаке осталась крышка с болтами, если кто-то передвинет, всё перепутают. Он держался за эту мысль дольше, чем следовало, потому что про мать думать было хуже.

Гордин вернулся под вечер. Снял телефонную трубку, сказал кому-то две фамилии, выслушал ответ. Положил.

— Она жива? — спросил Павел.

Гордин посмотрел на него.

— Ты скажи.

Павел встал.

— Хватит уже. Я рассказал. Дайте матери передать, где я.

— Сядь.

— Я хочу адвоката.

— Будет тебе адвокат. Сядь, сказал.

Он не сел сразу. Мужчина у двери оказался рядом так быстро, что Павел только успел увидеть серый рукав. Его посадили обратно, прижав за плечо. Больно не было, но тело вдруг стало лёгким и непослушным. Как в детстве, когда взрослый переставлял тебя с дороги, не вступая в разговор.

Потом принесли другой лист. Протокол задержания. Павел прочитал слово и поднял голову.

— За что?

— Основания изложены, — сказал Нестеров, снова появившийся в кабинете.

Там было написано про следы крови, показания свидетелей и его собственные объяснения. Время стояло позднее того, когда его привезли. Павел показал пальцем.

— Я с утра здесь.

— Здесь время оформления.

— А домой мне нельзя было с утра.

Нестеров не ответил прямо. Указал, где расписаться в ознакомлении. Павел спросил, означает ли подпись, что согласен с убийством. Следователь сказал, что нет. Он расписался, добавил, во сколько привезли. Заявил ещё раз, что требует защитника.

Слово «требуется» Нестеров записал без раздражения. От этого Павлу стало немного спокойнее. Если записано, значит, дальше должно быть по правилам.

На ночь его отвели вниз.

В коридоре пахло несвежим супом. На лавке сидел человек с перебинтованной головой, возле него стоял конвойный. Павла поставили лицом к стене. Из карманов вынули всё, даже бумажку с адресом юридической консультации. Ключ от гаража положили отдельно.

— Домашние где? — спросил сотрудник, составлявший список.

— У меня нет домашних. Мать открывает.

— Ключи домашние, — повторил тот.

Павел понял и покачал головой.

Ремень пришлось вытаскивать долго. Пряжка зацепилась за шлёвку, пальцы не слушались. Сотрудник вздохнул, но не стал помогать. Потом взяли шнурки. Павел попытался объяснить, что ботинки и без того сырые. Ему сказали держать брюки рукой.

За дверью камеры кто-то кашлял. Когда открыли, кашель оборвался.

Павел вошёл, сделал два шага. Под ногой хрустнуло что-то мелкое. В углу сидел мужчина с седой щетиной, рядом лежали двое, укрывшись одной курткой. На голой стене темнели потёки, возле двери стояло ведро.

— Новенький? — спросил мужчина.

Павел не ответил. Он всё ещё смотрел на дверь, ожидая, что сейчас откроют и позовут обратно: забыли бумагу, ошиблись комнатой, что-нибудь выяснилось.

Замок щёлкнул снаружи.

Он постоял, придерживая сползающие брюки. Потом сел на свободный край лавки. Тот оказался мокрым.

До утра, подумал Павел. Сейчас ночь, никто уже не работает. Утром придёт адвокат, отец найдёт куда обратиться, Вера объявится, и этот день можно будет наконец закончить.

Он прислонился к стене и сразу выпрямился: стена была холоднее воздуха.

Глава 11

По местам

Анна Петровна поняла, что пришли к ним, ещё до звонка.

На лестнице разговаривали негромко, но слишком деловито для соседей. Она стояла в прихожей, держала в руках Павлову рубашку. Вчера вынула её из таза, чтобы хотя бы отжать: нельзя было двое суток держать вещь в холодной воде. Повесила над ванной и теперь хотела убрать, пока не пришёл сын.

Сын не пришёл.

Ночью Николай Иванович ездил в отдел. Его не пустили дальше дежурки. Сообщили, что Павел задержан, выясняются обстоятельства. Домой вернулся под утро и сел на кухне, не снимая куртки. Анна Петровна спрашивала, дали ли по-

говорить. Он качал головой. Тогда она спросила, поел ли Павел, и муж вдруг накричал на неё. Через минуту извинился.

Теперь стоял у окна, небритый, и смотрел, как во дворе паркуется ещё одна машина.

— Коля, — сказала она.

Он уже шёл к двери.

Следователь показал удостоверение. За ним стояли двое сотрудников и двое понятых — женщина с третьего этажа и пенсионер из соседнего подъезда, которого Николай Иванович знал по гаражам. Соседка старательно не смотрела на Анну Петровну.

— Пригласили понятых, — объяснил следователь. — Ознакомьтесь.

Николай Иванович прочитал постановление. Анна Петровна пыталась заглянуть через плечо, но видела только ровные строчки и подпись внизу. Спросила, что ищут.

— Одежду, предметы, документы, имеющие значение для дела.

— Какого дела?

Следователь назвал Веру. Не сказал, что нашли. Анна Петровна уцепилась за это.

— Так найдите её. Вы здесь чего?

Николай Иванович взял её за запястье. Осторожно, без силы. Рубашка всё ещё была у неё в руках.

Один из сотрудников посмотрел на ткань.

— Это чья?

— Сына.

— Дайте сюда.

Она прижала рубашку к себе, как будто он собирался вытереть ею ботинки. Потом сама поняла, насколько плохо это выглядит, и отдала. Сотрудник развернул, увидел размокшее пятно на груди. Положил на край пустого стола.

— Зачем стирали?

— Она в тазу была.

— Я спрашиваю, зачем.

— Одежду стирают, — сказала Анна Петровна. — Для чего ещё?

Следователь что-то записал. Спросил, кто положил в воду. Она ответила, что Павел. Когда — в субботу, ночью. Что сказал — что Вера губу разбила. Сотрудник приподнял рукав, посмотрел на манжету.

Анна Петровна вдруг вспомнила другую рубашку, голубую, как отмывала её после работы сына. Там тоже была кровь. Она чуть не заговорила про Ваську и железный лист, но успела понять: сейчас никто не обрадуется, что кровь в их доме уже бывала.

В комнатах открывали шкафы.

Чужой человек перебирал её бельё. Не грубил, складывал обратно почти аккуратно. От этого Анне Петровне было не легче. Он не знал, какие простыни снизу, потому что на них протёрта середина, а какие сверху, для гостей. Не знал, что пододеяльник с маленькими цветами надо брать за край,

иначе из незащитой дырки полезут нитки. Ему всё это было просто стопками ткани, между которыми могло лежать что-нибудь ещё.

В Павловом ящике нашли конверт. Николай Иванович сразу подошёл.

— Там расписка. Мы сами хотели нести.

Следователь просмотрел бумаги. Один лист отложил, потом вернул к остальным.

— Заберём.

— Каждый запишите, — сказал отец. — Что именно.

— В протоколе будет.

— Мне надо знать, что будет, — повторил Николай Иванович.

Анна Петровна посмотрела на него. До этого ей казалось, что он совершенно потерялся, а теперь стоял прямо и говорил с незнакомыми людьми своим обычным рабочим голосом, каким требовал не поднимать груз, пока не закрепили.

Следователь перечислил бумаги. Николай Иванович наклонился над столом, проверяя. Соседка из третьего этажа кашлянула в кулак. Ей явно хотелось уйти.

В пустой коробке из-под бритвы лежала маленькая мятая записка. Сотрудник прочитал, усмехнулся, показал второму. Тот не улыбнулся. Анна Петровна узнала Иркин почерк и вдруг почувствовала к первому такую ненависть, что испугалась самой себя.

— Это детское, — сказала она.

— Видим.

Записку оставили. От этого не стало лучше.

Когда Ирина пришла с занятий, в прихожей стояли чужие ботинки. Она замерла на пороге, потом быстро нашла глазами мать.

— Где Паша?

— В отделе.

— Опять?

Никто не ответил. Ирина увидела свою раскрытую сумку на стуле и сделала шаг к ней, но сотрудник попросил подождать. Она остановилась, прикусив губу.

На стол положили Павловы брюки. Мать потянулась убрать чашку, чтобы не мешала. За чашкой осталось чайное кольцо, и она машинально взяла тряпку.

— Не трогайте пока ничего, — сказал следователь.

Она замерла с тряпкой в руке. Ирина быстро подошла, забрала её и унесла на кухню. Поставила чайник, потом выключила: не знала, для кого кипятит.

Рубашку упаковали отдельно. Ещё не высохшую. Молодой сотрудник заметил это и сказал, что надо бы иначе, чтобы не запарилась. Второй ответил, что разберутся на месте. Следователь велел взять бумажную упаковку, записать, что ткань влажная, и не откладывать отправку. На это ушло несколько минут обычного служебного раздражения. Анна Петровна смотрела и не понимала, хорошая это задержка или ещё одна беда.

Перед уходом Николай Иванович прочитал протокол. Попросил дописать, что рубашка лежала в воде с субботы, а он сам в ту ночь ходил в старый дом. Следователь записал, спросил, в какое время. Отец назвал приблизительно. Потом повторил, что дверь была заперта снаружи.

— Откуда вам известно, как она была заперта до этого?

— Не известно. Я говорю, как нашёл.

— Именно.

Николай Иванович поднял глаза, хотел что-то сказать, но сдержался.

Когда все ушли, в квартире не осталось заметного беспорядка. Открытые ящики, чуть сдвинутый стол, полотенце не на том крючке. Анна Петровна прошла из комнаты в комнату и только потом села. Ей казалось, если начать убирать сейчас, это тоже запишут против них.

Ирина стояла возле окна.

— Мам, он же ничего не сделал?

— Ничего.

— А чего они тогда?

Анна Петровна взяла со стола мятую записку, расправила ногтем. На обороте Ирина нарисовала смешного жениха с очень длинными ногами.

— Не знаю, — сказала мать.

В тот же день Павлу показали молоток.

Он лежал на чистом листе, деревянная ручка потемнела возле головки. Сбоку виднелась засохшая полоска. Павел

узнал его не сразу: обычный молоток, каких у отца несколько. Потом вспомнил выщербленный угол и маленькую вмятину на рукояти. Таким он весной выбивал гвозди из досок на веранде.

— Ваш? — спросил Нестеров.

— В доме был.

— Пользовались?

— Весной.

— В субботу?

— Нет.

Следователь повернул лист, не прикасаясь к молотку.

— Вспоминайте.

Павел посмотрел на полоску. Теперь не мог отвести глаз. Ему хотелось, чтобы предмет оказался чужим, чтобы можно было твёрдо сказать: никогда не видел. Но молоток был тот самый.

— Он под навесом лежал. Там доски. Игорь оставлял.

Нестеров записал.

— Изъят в доме. По месту происхождения.

Павел заметил белый волосок на столе возле бумаги. Тонкий, загнутый. Не знал, чей он, но почему-то хотел обратить на него внимание: вот есть ещё предмет, не только молоток, вот всё не так просто. Понял, что это бессмысленно, и промолчал.

— Здесь кровь? — спросил он.

— Экспертиза установит.

— Но откуда?

Нестеров сложил руки перед собой.

— Это я у вас спрашиваю.

Вечером Павел остался без куртки. Её тоже забрали. Он стоял в камере в свитере и всё время расправлял рукава, чтобы закрыть кисти. На ужин дали жидкую кашу. Мужчина с седой щетиной спросил, будет ли он есть, и Павел отодвинул миску.

— Потом не принесут, — предупредил мужчина.

Павел не ответил.

Он думал, как держал этот молоток весной. Помнил тяжесть, разбитые шляпки гвоздей, как Игорь говорил не портить доски. Воспоминание было совершенно ясное. А субботняя дорога к реке не вспоминалась. Он снова пытался соединить одно с другим и впервые испугался собственной памяти.

Глава 12

Расскажи, как было

На вторую ночь Павла снова подняли.

Он только начал проваливаться в сон, когда за дверью назвали фамилию. Мужчина с щетиной сел на лавке и выругался, но не на Павла. На свет, который ударил в камеру из коридора.

В кабинете часов не было. Окно чернело, на столе стояли две чашки и пепельница, сделанная из половины консервной

банки. Гордин курил. Мужчина в серой куртке теперь был в свитере, а куртка висела возле двери. Павел подумал, что так и не знает его фамилии.

— Садись, — сказал Гордин. — Хватит уже ходить во-круг.

Павел сел.

Ему показали фотографию Веры. Ту самую, у реки. Он узнал угол, который загнулся, когда снимок упал под стул. Значит, успели забрать у матери. Значит, кто-то был у неё и разговаривал, а может, она всё ещё ждёт, когда фотографию вернут.

— Смотри, — сказал Гордин.

— Я вижу.

— Расскажи, как было.

Павел рассказал. Про пятничный звонок, деньги, полку. Гордин слушал, не перебивая. В конце подвинул фотографию ближе.

— А дальше?

— Я ушёл.

— А дальше?

— Домой.

— Ты на реке был.

— Потом домой.

Гордин посмотрел на второго. Тот встал. Павел повернулся к нему и не успел понять, за что получил. Воздух вышел из груди, стул отъехал, он схватился за край стола. Его удерж-

жали, чтобы не упал. Когда смог вдохнуть, услышал:

— Не надо нас за идиотов держать.

Он попытался сказать, что не держит. Не получилось. Сначала только дышал, потом закашлялся. Фотография лежала перед ним. Вера на ней улыбалась, зажмурившись от ветра.

Дальше время распалось на одинаковые вопросы.

Он говорил, что не знает. Ему отвечали, что знает. Он требовал адвоката, его спрашивали, зачем адвокат, если нечего скрывать. Он молчал, и тогда молчание тоже становилось ответом. Иногда Гордин выходил. Мужчина в свитере оставался, садился на подоконник, ждал. Павел слышал, как за стеной звонит телефон, как в коридоре открывают и закрывают двери, как кто-то смеётся. Там продолжалась обыкновенная ночная работа.

Больше всего хотелось спать.

Боль приходила и уходила. Усталость оставалась. Он старался сидеть прямо, потом горбился, потом снова выпрямлялся, потому что так велели. Когда закрывал глаза, перед лицом возникала кухонная клеёнка, на которой лежали Верины деньги. Открывал — видел чужую пепельницу.

— Ты пойми, — сказал Гордин уже другим голосом. — Если всё в отказ, тебе же хуже. Сейчас можно нормально объяснить. Выпил. Нервы. Не соображал. Никто не говорит, что ты годами готовился.

Павел покачал головой.

— Я не убивал.

— А если не помнишь?

Эти слова он уже говорил себе сам. Теперь Гордин произнёс их вслух, и Павел ощутил, как исчезает последняя защита: даже его собственная мысль оказалась у другого человека.

— Она разговаривала, когда я уходил.

— Ты помнишь, как уходил?

— Помню.

— А куда потом шёл, не помнишь. Удобно.

Павел посмотрел на дверь. Ему хотелось не бежать, не драться. Хотелось, чтобы вошёл кто-то посторонний и просто спросил, что здесь происходит. Любой человек. Уборщица, дежурный, мастер из его мастерской. Кто-нибудь, кому не надо было заранее доказывать, что он способен чувствовать боль.

Вошёл другой сотрудник. Заглянул, спросил, есть ли свободная машина. Гордин ответил. Сотрудник ушёл.

Павел опустил голову.

Потом ему заговорили про отца.

Николай Иванович ходил в дом ночью. Никто точно не знал во сколько. Он ремонтник, инструменты у него есть. Вероятно, сын рассказал не всё. Вероятно, отец помогал. Проверить надо будет и гараж, и работу, и то, что вывозил в последние месяцы.

— Он не при чём, — сказал Павел.

— Так и объясни.

— Я объяснил.

— До конца объясни. Тогда отец домой пойдёт, мать успокоится. А то мать твоя в коридоре плачет, ей самой уже помощь нужна.

Павел поднял голову. Он не знал, действительно ли мать в коридоре. Проверить было нельзя. Но сразу увидел её: в старом пальто, с сумкой, где на всякий случай лежит еда. Она ведь правда могла прийти ночью, если ей сказали, что сейчас решается.

— Дайте её увидеть.

— Сначала закончим.

Перед ним положили чистый лист.

Он долго не брал ручку. Потом взял и написал фамилию. Дальше остановился. В голове всё ещё существовало простое различие: случилось одно, от него хотят другое. Нужно было держаться этого различия, и тогда, наверное, можно выдержать. Но у каждого нового часа были свои причины перестать держаться.

Он хотел, чтобы отца не трогали. Чтобы мать ушла домой. Чтобы перестали возвращать его к вопросу, на который он уже ответил. Чтобы можно было сесть в темноте и хотя бы немного поспать.

— Я могу написать, что она упала, — сказал Павел.

Гордин подошёл к столу.

— Пиши, как было. Начало ты знаешь.

Начало он знал. Написал, что пришёл, что выпил до этого, что поссорились. На этих строках рука двигалась сама. Он даже надеялся, что получится ещё раз рассказать правду и наконец убедить.

Потом Гордин остановил.

— А здесь не пропускай.

Следующая фраза была чужая.

Павел держал ручку над бумагой. От кончика на листе расплылась маленькая точка. Он написал одно слово, подчеркнул. Сказал, что этого не было. Гордин устало отодвинул стул.

Когда Павел продолжил, он уже не пытался понять, каким образом написанное связано с субботой. Ему называли действия, он подбирал к ним окончания. Иногда спрашивал, зачем. Ему отвечали, что следствие проверит и лишнее убьют. Что это пока объяснение, что суд потом разберётся. Что именно поэтому сейчас не надо усложнять.

В тексте появились связанные руки, молоток. Между знакомыми словами — полка, стол, доски — ложились строчки, которых Павел не мог себе представить. Его спрашивали, сколько раз он ударил. Он не знал, что ответить. Из памяти возвращался только весенний скрип гвоздя, который вытаскивал из доски этим же молотком.

Про реку написал короче. Место называть точно не мог. Гордин сказал, что на месте вспомнит.

Внизу осталось немного свободного поля. Туда велели до-

писать, что написал собственноручно.

— Я потом откажусь, — сказал Павел. Сам не понял, вслух ли.

Гордин подвинул лист.

— Сначала подпиши.

Он подписал.

Ничего сразу не случилось. Дверь не открылась. Отца не привели, мать не позвали. Мужчина в свитере собрал бумагу, посмотрел на часы и сказал Гордину, что уже светает.

Павел ждал ещё несколько секунд. Ему нужно было почувствовать хоть какое-нибудь облегчение, иначе получалось, что всё сделано зря. Но было только тошно и очень холодно.

В камеру отвели под утро. Мужчина с щетиной подвинулся, оставляя место.

— Ложись, — сказал он.

Павел лёг. Не смог повернуться на бок, остался на спине. Лицо над ним было чужое, постаревшее, с мелкими белыми волосками возле уха. Мужчина спросил что-то ещё. Павел не ответил.

Сон не пришёл. Как только закрывал глаза, видел свою подпись.

Днём появился адвокат.

Невысокий мужчина с потёртым портфелем, в тёмном костюме, которому давно требовалась чистка. Назвал фамилию: Михайлов. Илья Владимирович. Попросил оставить их

наедине. Нестеров сказал, что ненадолго, у него ещё следственные действия. Адвокат посмотрел на него, подождал, пока дверь закроется.

— Что подписывали?

Павел рассказал. Сперва быстро, потом начал путаться. Илья Владимирович не торопил. Достал лист, записал даты. Спросил, кто присутствовал. Фамилию второго Павел не знал.

— Как выглядел?

Он описал серую куртку, свитер, ноготь, который тот рассматривал. Адвокат уточнил рост, возраст. Павел не мог назвать точно.

— Били?

Он кивнул.

— Где болит?

Павел показал. Поднимать свитер было стыдно. Адвокат отвернулся к листу, пока он поправлял одежду, потом снова стал спрашивать. Не жалел, не ужасался. От этого разговаривать оказалось легче.

— Сейчас повторите мне то, что помните сами. Без того, что вам говорили.

Павел рассказал про руку, кружку, губу. На этих словах голос сорвался.

— Это было. Остального не было.

— Хорошо. Значит, так и заявим. Осмотр нужен. Жалобу подадим. Дальше ничего не подписывайте, не прочитав.

Замечания пишите прямо в протокол. Если не согласны — указывайте, с чем именно.

— А это можно забрать? То, что ночью.

Илья Владимирович посмотрел на него. Не отвёл глаза, и Павел сразу понял: нельзя просто забрать.

— Будем добиваться, чтобы не использовали. Важно, что вы заявляете сейчас. Чем раньше, тем лучше.

В дверь постучали. Следователь спросил, закончили ли. Адвокат ответил, что нет.

Павел впервые за двое суток услышал, как кто-то спокойно отказал человеку, от которого зависело, откроется ли дверь.

Он сидел, вцепившись пальцами в край стула, и старался не заплакать перед этим незнакомым мужчиной.

Глава 13

Река

Врач попросил повернуться к свету.

Павел поднял свитер. На боку темнело пятно, которое он ещё не видел: в камере не было зеркала, а смотреть на себя не хотелось. Врач провёл пальцами вокруг, спросил, больно ли. Павел кивнул.

— Дышите глубоко.

Он попробовал. На середине вдоха пришлось остановиться.

Врач записал размеры, цвет, жалобу на боль. Спросил,

откуда повреждение. Павел ответил. Врач посмотрел на сотрудника возле двери, потом снова на лист. Написал «со слов обследуемого». Никакого доказательства, кто именно ударил, эти три слова не давали. Но всё же оставляли сказанное на бумаге.

Михайлов велел запомнить дату осмотра.

После этого был допрос с защитником. Павел отказался от ночного текста. Повторил всё, что рассказывал Михайлову. Нестеров задавал вопросы без Гордина и без мужчины в свитере. Иногда складывал губы трубочкой, как будто прикидывал, достаточно ли места осталось на странице. На жалобу о насилии сказал, что её рассмотрят в установленном порядке.

Павел ждал, что после этих слов хотя бы отложат поездку. Но поездка состоялась.

Его повезли к старому дому. Вместе с ним ехали адвокат и конвойный. Нестеров добирался отдельно. Когда остановились, Павел увидел у калитки Гордина и испугался так резко, что Михайлов положил ему руку на локоть.

— Со мной говорите, — произнёс тихо. — Если не знаете, так и отвечайте. Не угадывайте.

Возле дома стояли понятые, мужчина с фотоаппаратом и ещё несколько человек. Нестеров объявил, что будет проводиться следственный эксперимент. Объяснил задачу: проверить возможность действий, описанных в материалах, маршрут, отдельные обстоятельства. Адвокат уточнил, ка-

кие именно показания проверяются, если подзащитный от признания отказался. Нестеров ответил, что отказ не устраняет необходимости проверки.

Павел смотрел на дверь. Замок сняли. Под навесом сложили доски, которые он разбирал весной. Одну ещё тогда следовало выбросить: гниль внутри, снаружи почти целая. Он вдруг вспомнил это очень ясно.

— Покажите, где находилась Лапина, — сказалследователь.

Павел вошёл в кухню. Воздух оказался холодный и несвежий. Мебель стояла почти так же, только диван отодвинули от стены, а со стола убрали всё.

Он показал на полку.

— Здесь ударилась. Потом сюда села.

Нестеров попросил уточнить, где стоял сам Павел. Он встал. Почувствовал, как заныло в боку, и держал руку чуть отставленной.

— Это мы зафиксировали. Дальше.

— Дальше воду дал.

— А действия с орудием?

Михайлов вмешался:

— Подзащитный отрицает эти действия. Это прошу отразить.

Следователь записал. Не спорил, но и не переходил к другой теме. Спросил ещё раз, где мог находиться молоток. Павел сказал, что под навесом. На фото ему предложили пока-

зать направление рукой.

— Я туда не ходил в субботу.

— Вы показываете расположение.

Он поднял руку. Фотоаппарат щёлкнул. Гордин стоял в проёме веранды и смотрел.

Потом на стол положили копию ночного текста. Один абзац Нестеров прочитал вслух. В нём Павел «желая причинить особые страдания» удерживал Веру, связывал её и продолжал насилие, хотя слышал просьбы прекратить. Слова произносились спокойно, с остановкой на запятой. Павел смотрел на собственные ботинки и не мог понять, как за ночь стал человеком, о котором такое можно читать при посторонних.

— Подтверждаете?

— Нет.

— Подпись ваша?

— Моя. Я объяснил, почему.

Михайлов попросил прекратить предъявлять оспариваемый текст как установленный факт. Нестеров сказал, что ничего установленным не объявляет. Секунду оба смотрели друг на друга. Потом следователь велел идти к воде.

Павел шёл по дорожке, по которой ходил столько раз. Теперь вокруг неё стояли люди. На него смотрела соседка в ватнике, прикрывая рот концом платка. Кто-то из прохожих остановился у забора, спросил, что случилось, и ему ответили шёпотом, хотя стоял он далеко.

Гордин подошёл сбоку.

— Не туда, — сказал негромко.

Павел остановился.

— Я здесь шёл.

— К воде ниже проще.

Михайлов повернулся.

— Не подсказывайте ему маршрут.

Гордин поднял ладони.

— Я смотрю, чтобы не поскользнулся.

У старого причала лежал свёрнутый брезент. Павел сразу понял, зачем его приготовили, и не смог сделать ещё несколько шагов. Следователь объяснил, что это предмет для воспроизведения отдельных действий. Воспроизводить убийство никто не собирается, надо проверить возможность перемещения.

— Я никого не нёс, — сказал Павел.

— Вы это уже заявили.

— Так зачем мне поднимать?

Адвокат потребовал записать отказ и его причину. Нестеров некоторое время молчал, потом согласился обойтись без этого. Конвойный, которому надоело держать свёрток, положил его на землю. Краем брезента задел Павлов ботинок. Павел отступил, как от живого.

Точку, где по ночному тексту он якобы сбросил тело, показать не смог. Назвал ступеньку, на которой сидел. Нестеров спросил, не там ли всё произошло. Павел покачал голо-

вой.

Один из понятых сказал другому:

— Всё равно не вспомнит, если такой был.

Павел обернулся.

— Я здесь сидел. Я вам показываю, где сидел.

Мужчина умолк, но лица не изменил. Смотрел на него без ненависти, с усталой уверенностью, и это оказалось страшнее ругани.

Фотограф попросил всех отойти. Нестеров указал на участок берега. Павла поставили так, чтобы не закрывал вид, попросили повернуть голову. На другом берегу двигался автобус, маленький и совершенно настоящий. Павел следил за ним, пока тот не скрылся за деревьями.

Обратный путь занял дольше. Ждали машину для адвоката, потом следователь дописывал протокол. В готовом тексте было: Крылов указал участок берега, где, согласно ранее данным показаниям, избавился от тела. Михайлов потребовал изменить формулировку. Нестеров сказал, что прежние показания действительно существуют, противоречия будут оценены.

Павел написал под замечаниями: «Показывал место, где сидел один. Тело не переносил, не сбрасывал. От показаний, полученных ночью, отказываюсь».

Прежде чем расписаться, перечитал. Медленно, почти по слогам. Ему хотелось, чтобы хоть эти слова никуда не исчезли.

Воду ещё обследовали. Павел видел лодку, слышал разговоры людей в резиновых сапогах. В тот день ничего не нашли. Потом ему сообщали о следующих поисках, о проверках ниже по течению. Каждый раз он сначала надеялся, что найдут что-нибудь, объясняющее исчезновение, а потом пугался самой этой надежды.

Вечером его перевезли в следственный изолятор.

Прежде чем посадить в машину, Нестеров предъявил постановление о заключении под стражу с санкцией прокурора. Михайлов объяснил, что решение можно обжаловать в суд. Павел спросил, когда. Адвокат ответил: подготовит жалобу, как только получит необходимые документы.

— А сейчас домой нельзя?

Он и сам услышал, как по-детски прозвучал вопрос.

Михайлов покачал головой.

На въезде в изолятор машину долго держали между воротами. Павел сидел в тесном отделении, упираясь коленями в железо. В темноте пахло чужой одеждой и бензином. Где-то рядом стучали в стенку, требовали открыть форточку. Конвойный велел молчать.

Когда наконец вывели, Павел осторожно вдохнул воздух двора. Он был не свежий — пах кухней и мокрой штукатуркой, — но его можно было вдохнуть целиком.

Потом снова были вопросы, осмотр, вещи по списку. Его тело перестало принадлежать только ему: надо было повернуться, показать, снять, поднять. На боку врач отметил кро-

воподтёк. Павел повторил, откуда он. Врач выслушал, записал и позвал следующего.

Павел ещё долго держал свитер приподнятым, не понимая, что осмотр уже закончен.

Глава 14

Дедово место

В камере не было места, куда поставить ногу и никого не задеть.

Павел остановился у двери с матрасом под мышкой. Простыня сползала с рулона. На ней лежали полотенце и наволочка, завязанные узлом. Он держал всё это, как неудачно собранную покупку, и не знал, куда смотреть.

— Заходи, двери не стой, — сказал кто-то.

Он сделал шаг. Под ботинком хрустнул спичечный коробок. Человек на нижней койке поднял голову и сразу опустил. У стола двое играли во что-то на расчерченной бумаге. Ещё один стоял возле окна, сняв майку, и выжимал её над миской. По диагонали камеры тянулась верёвка с мокрыми носками.

Дверь закрылась.

— Поздоровайся хоть, — произнёс сухой голос сверху.

— Здравствуйте.

Несколько человек ответили. Другие продолжили свои дела. Это почему-то помогло: никто не собрался смотреть на него целиком.

— Фамилия?

— Крылов.

— Звать как?

— Павел.

С верхней койки спустился мужчина с седыми висками. Двигался осторожно, придерживая живот. Не старик, но лицо обветренное, складки возле рта глубокие. На ногах растянутые носки, один пяткой кверху.

— Сухов. Григорий. Дедом зовут. Чего стоишь, как грузчик? Ставь пока сюда.

Он показал свободный край нижней койки. Там сидел худой человек в очках, правая дужка которых держалась на нитке. Человек подвинулся на несколько сантиметров.

— Только к кружке не прислоняй, — сказал он. — Вчерашнее заварено.

Павел поставил матрас вертикально. Сразу упало полотенце. Поднял, задел ногой миску. Вода выплеснулась на пол.

— Вот теперь приехал, — сказал человек у окна.

Кто-то засмеялся. Павел схватился за полотенце, собираясь вытирать.

— Не этим, — остановил Сухов. — Для пола есть. Вон под столом тряпка. Полотенце своё береги, не набегаяешься менять.

Павел вытер. Человек у окна переставил миску и больше не ругался. Жизнь вокруг снова пошла без него, и Павел по-

степенно понял, что именно это ему сейчас нужнее всего.

Коек было двенадцать, людей — девятнадцать. Число он узнал позднее, когда пересчитали при проверке. Сначала видел только лица, локти, ступни, вещи, которым тоже надо было где-то помещаться. На столе сушился ломоть хлеба. Под столом стояли пакеты, завязанные шнурками. Возле туалетного угла висела ткань, не доходившая до пола.

Его очередь спать будет после полуночи, объяснил Сухов. Пока можно посидеть. Когда освободят место, расстелет. Если заснёт раньше, разбудят, чтобы не упустил.

— Я ненадолго, — сказал Павел.

Человек в очках перестал смотреть в бумагу.

— Это удачно. Я тоже. В апреле собирался уходить.

— Сейчас сентябрь.

— А ты наблюдательный.

Его звали Аркадий Ефимович. В камере — Бухгалтер. Он сам всякий раз поправлял, что по последней должности был заместителем директора, но прозвище от этого не менялось.

— Статья какая? — спросил Сухов.

Павел назвал.

— Убийство? — уточнил другой человек.

— Я не убивал.

Никто не сказал ни «верим», ни «все так говорят». Несколько секунд просто смотрели. Потом человек у окна спросил, сколько сигарет есть. Павел ответил, что ни одной. Интерес к нему уменьшился.

Он ждал новых вопросов. Хотел, чтобы спросили, как можно обвинять в убийстве, если человека не нашли. Хотел рассказать про деньги, про милиционера, про то, что написал ночью. Но Сухов уже вернулся на койку и лёг, подложив под голову свёрнутый свитер. Бухгалтер делил лист на колонки. У кого-то на противоположной стороне начался спор из-за очереди умываться.

Павел сел возле матраса и впервые увидел, сколько здесь разных способов терпеть. Один непрерывно разговаривал. Другой прикрывал глаза, но не спал, следил из-под век. Молодой парень в углу всё время трогал голой ступнёй стену, будто проверял, на месте ли. Мужчина лет сорока держал в ладони фотографию и смотрел не на неё, а вверх.

Ему захотелось встать и уйти от всех этих чужих жизней. Он ещё не был готов, чтобы они стали повседневными.

На проверке велели подняться. Назвали фамилии. Павел ответил слишком тихо, пришлось повторить. Сотрудник заглянул в бумагу, спросил, кто пришёл. Другой указал на него. Ему было странно, что эти люди должны отдельно выяснять, где он находится, хотя только они и могли его сюда привести.

После проверки принесли еду. Кормушка открылась на уровне, до которого Павлу пришлось наклониться. Миски передавали быстро. Он попытался помочь, но не знал порядка и мешал. Сухов показал, куда ставить.

— Сначала всем раздай. Потом себе выбирай. А то ты сей-

час кого-нибудь вторым обедом осчастливишь.

Еда пахла переваренным луком. Павел взял ложку и вдруг понял, что хочет есть очень сильно. За двое суток почти ничего не проглотил, а теперь голод подступил так резко, что заболело под рёбрами.

Он ел быстро. Несколько человек смотрели, но не смеялись. Бухгалтер отломил от своего хлеба кусок и положил рядом.

Павел остановился.

— Я потом отдам.

— Хлеб не нужно отдавать. Он к тому времени станет другим.

— Я серьёзно.

Бухгалтер поправил очки.

— Я тоже. Если что-то дают взаймы, так и спрашивай: это взаймы? А то наобещаешь из вежливости, потом будешь всех убеждать, что ты культурный человек. Мне уже убеждать надоело.

Павел взял хлеб. Ему стало неловко, что из-за простого куска возник разговор, будто он подписывает ещё одну бумагу.

После еды Сухов позвал к окну. Точнее, к полоске пола возле него: самого окна за железом почти не было видно.

— Рассказывай, раз не сидится.

Павел начал. Сначала хотел коротко, но не получилось. Сухов слушал, иногда смотрел в сторону стола. Бухгалтер с

другого конца камеры тоже слушал, хотя делал вид, что считает.

Когда дошли до ночного признания, Сухов поморщился.

— Рано ты им написал.

— Меня били.

— Я слышал.

— И отца...

— Слышал, Паша.

В голосе не было насмешки, но Павел всё равно почувствовал злость. Хотелось сказать: сам попробуй. Потом посмотрел на Сухова и понял, что это будет глупо.

— Теперь-то что делать?

— Адвокат есть?

— Есть.

— С ним и делай. Тут тебе каждый второй сейчас подскажет, как надо. А у каждого второго своё не получилось.

Бухгалтер поднял палец, не отрываясь от листа.

— Это ко мне тоже относится, если что.

Сухов не улыбнулся.

— Про дело на весь дом не ори. Кому надо, тому сказал.

Кто не спрашивает, тому не доказывай.

Павел кивнул. Спрашивать, почему, не захотелось. Он уже заметил мужчину у двери: тот не участвовал ни в одном разговоре, зато прислушивался ко всем.

К полуночи воздух стал тяжёлым. Окно открывали как могли, но прохлады почти не прибавлялось. Кто-то ругался

из-за табачного дыма. Кто-то требовал выключить лишний разговор. Один человек всё время ходил от двери к столу, потом обратно. Павел считал шаги, сбивался, начинал снова.

Сухов тронул его за плечо.

— Ложись. Твоё освободили.

На койке ещё оставалось чужое тепло. Павел разложил матрас, не сразу разобрался с короткой простынёй. Хотел снять свитер, но оглянулся и передумал. Ботинки поставил под койку носками к стене. Брюки подвернул, чтобы не цепляться за штанину.

Сухов смотрел снизу вверх.

— Рукава расправь. Во сне давить будут.

Павел расправил.

— Дед, — позвал кто-то, — чаю будешь?

— Не буду. Паше дай, если захочет.

Павел отказался. Ложился осторожно, стараясь не задеть бок. В камере несколько человек ещё сидели, другие уже спали. В незнакомом лице напротив дёргалась щека.

Павел закрыл глаза.

Проснулся от того, что кто-то осторожно тянул его за рукав. На секунду решил, что мать будит на работу. Успел даже рассердиться: только лёг. Потом увидел чужое лицо, решётку над головой, мокрое бельё на верёвке.

— Меняться надо, — сказал человек.

Павел сел. Во рту было сухо. Он не знал, сколько проспал, и пытался найти часы. Человек ждал, прижимая к груди свою

постель.

Пришлось встать.

Он скатал матрас и сел с ним у стола. Бухгалтер спал, опустив голову на скрещённые руки. На полу возле его ноги лежал карандаш. Павел поднял, положил рядом с листом.

За окном уже светлело. Из коридора донёсся скрежет колёс: везли что-то тяжёлое, железное. Кто-то на койке потребовал не греметь, потом сам рассмеялся своей просьбе.

Павел посмотрел на дверь. Во вчерашней камере он ждал утра, чтобы всё кончилось. Здесь утро начинало следующий такой же день.

Глава 15

Крест без земли

К ноябрю Людмила Алексеевна перестала спрашивать, нашли ли дочь. Спрашивала иначе: есть ли новости.

Разницы почти никто не замечал. Игорь отвечал, что нет. Знакомые начинали говорить о терпении. Гордин приезжал всё реже, ненадолго, стоял в прихожей и говорил, что дело движется. Людмила Алексеевна однажды предложила ему чай. Он отказался, и ей показалось, что теперь он боится задерживаться в комнате, где висит Верина куртка.

Куртку она не убирала. Из кармана вынула старый билет, конфету в обёртке и маленькую пуговицу. Пуговица ни к одной известной вещи не подошла. Людмила Алексеевна положила её обратно.

По ночам иногда слышала, как подъезжает машина. Подходила к окну, ждала, пока откроются дверцы. Один раз даже спустилась: показалось, Вера. Оказалась соседская племянница с тяжёлой сумкой. Девушка поздоровалась, а Людмила Алексеевна не ответила. Потом стыдилась.

В старом доме к этому времени всё перевернули. Полку сняли, диван осматривали, возле берега ходили чужие люди. Веру находили только в рассказах о последнем вечере. В каждом следующем разговоре она всё меньше походила на дочь, которая могла не любить кашу, забыть ключ, рассердиться на мать. Превращалась в молодую женщину, над которой совершили страшное.

Газета написала про зверское убийство. Без тела, без окончания суда, но так уверенно, что Людмила Алексеевна впервые заплакала над словом «покойная». Она не знала, кто разрешил назвать Веру этим словом. Позвонила через соседку по указанному номеру, хотела спросить. Ответили, что сведения получены из правоохранительных органов. Она не смогла объяснить, чего хочет, и положила трубку.

Крест предложила поставить сестра.

— Ты хоть ходить будешь куда-то. А то куда тебе с цветами? На берег? Там грязь.

Людмила Алексеевна сначала сказала, что нельзя. Потом стала думать об этом по ночам. Не потому, что согласилась с окончательностью. Просто устала стоять у окна, не имея права ни ждать, ни перестать ждать.

Игорь привёз крест на машине. Небольшой, деревянный, пахнувший свежей краской. Мастер прикрепил табличку с именем, годами рождения и исчезновения. Дату смерти никто установить не мог, и отдельного дня на табличке не было.

На кладбище приехали втроём. Землю возле могилы мужа Людмилы Алексеевны слегка прихватило морозом. Под оградой лежала мокрая трава. Смотритель, которого заранее попросили подойти, долго объяснял, что захоронения здесь не оформляют, тела нет, это памятный знак внутри семейной ограды. Игорь раздражённо кивал: они поняли. Людмила Алексеевна слушала каждое слово. Ей было важно, что никто не говорит «похоронили».

Яму для гроба не копали. Земля осталась ровной. Игорь укрепил крест сбоку от отцовского памятника, отёр ладони о брюки и стал убирать инструмент. Тётка достала искусственные цветы, потом постыдилась и оставила в пакете. Людмила Алексеевна принесла живые гвоздики. Положила прямо на землю.

Никакого прощания не получилось. Не было ни священника, ни речи, ни того последнего движения, после которого люди начинают уходить. Они просто стояли. Игорь спросил, не замёрзла ли мать. Тётка предложила идти. Людмила Алексеевна ещё немного постояла и согласилась.

Дома поставила на стол три чашки. Налила чай. Никто не притронулся к печению. Вечером пришла соседка, сказала, что слышала про могилу, и Людмила Алексеевна поправила:

— Мы не хоронили.

Соседка кивнула, сняла пальто.

Через неделю сказала другой женщине:

— У Лапиной теперь и могила есть, а дочери всё нет.

В этих словах ещё оставалась правда. Ещё через несколько пересказов осталось только, что Веру похоронили.

Ирина узнала на занятиях.

Девушка, сидевшая рядом, предложила конспект, потом зачем-то сообщила, что её тётка ходила на кладбище и видела новый крест. Ирина долго смотрела на раскрытую тетрадь. Преподаватель рисовал на доске схему, мел скрипел, кто-то сзади просил не загромождать.

— Нашли? — спросила Ирина.

— Не знаю.

— Ты сказала, похоронили.

Девушка испугалась.

— Я не сказала. Я про крест. Мне сказали просто.

Ирина встала посреди занятия. Объяснила, что плохо себя чувствует, и вышла. Во дворе постояла, застёгивая пальто на неверные пуговицы. Возвращаться не могла, домой тоже не пошла. Купила билет и поехала на кладбище.

Могила Вериного отца Ирина раньше видела один раз, летом, когда ходили вместе. Теперь долго искала между похожими оградами. Замёрзла, намочила край пальто. Хотела уже вернуться, когда увидела знакомый платок.

Людмила Алексеевна стояла внутри ограды. Убирала с

земли опавшие листья, складывая их в пакет. Крест был маленький. Издалека Ирина даже не сразу прочла имя.

Она остановилась возле калитки.

— Здравствуйте.

Людмила Алексеевна посмотрела на неё, выпрямилась. В руках осталась горсть мокрых листьев.

— Зачем пришла?

Ирина не знала. Проверить, не нашли ли Веру. Убедиться, что нет гроба. Понять, почему все уже решили. Ни один ответ нельзя было произнести перед её матерью.

— Мне сказали...

— Что сказали?

— Что нашли.

Людмила Алексеевна посмотрела на ровную землю.

— Нет.

Ирина ощутила облегчение и сразу испугалась его. Встала ещё прямее, словно мать Веры могла заметить, что у неё внутри.

— Там ничего нет? — спросила она и тут же пожалела.

Людмила Алексеевна бросила листья в пакет.

— Это тебе легче будет, если нет?

Ирина замотала головой.

— Я не так. Я хотела...

— Иди домой, Ира.

Она знала её имя. От этого стало совсем плохо. Когда-то звала на кухню, давала с собой Верины пирожки, шутила,

что будущую золовку надо хорошо кормить. Ирина тогда даже не знала точно, что значит золовка, но было приятно, что её включили в чьё-то будущее.

— Паша не делал, — сказала она.

Людмила Алексеевна прижала пакет к боку.

— Иди.

Ирина ушла. У ворот кладбища остановилась, достала из кармана мелочь. На цветы не хватало. Купила бумажную салфетку у женщины, торговавшей свечами и цветами, и долго вытирала нос, отвернувшись от людей.

Дома мать сидела над письмом. На столе остывала чашка. Писем теперь отправляли много, и каждый раз приходилось выбирать, что сообщить, а что оставить дома. Часть возвращалась, часть задерживалась, иногда ответ приходил на то, что успели забыть.

— Где была? — спросила Анна Петровна.

Ирина сняла пальто.

— Ходила.

Мать отложила ручку.

— Опять кто-то что-нибудь сказал?

Ирина кивнула. Потом рассказала про крест. Анна Петровна долго смотрела на лист, будто там уже было написано всё, что она слышала.

— Не надо ему пока, — сказала наконец.

— Он всё равно узнает.

— Узнает. Только не сегодня.

Ирина села рядом. На листе было выведено: «Паша, у нас всё по-старому». Подумала, что и это теперь неправда, хотя под каждое слово можно подобрать объяснение.

— Мам, а если она придёт?

Анна Петровна взяла ручку.

— Вот придёт, тогда и поговорим.

Она не говорила о Вере так, будто та умерла. Но в тот вечер впервые закрыла окно на кухне, когда во дворе остановилась незнакомая машина. Ирина заметила и ничего не сказала.

Глава 16

Кто кому верит

Михайлов приходил с одним и тем же портфелем. Иногда в нём было много бумаг, иногда почти ничего, но Павел научился по тому, как адвокат расстёгивает замок, угадывать, хорошая ли новость.

Хороших новостей было немного. Мать передала вещи. Приняли жалобу. Подтвердили, что в пятницу Вера действительно звонила в мастерскую. Табельщица вспомнила голос, время уточнила по своей ведомости. Это ничего не доказывало само по себе, но хотя бы оставляло Вере собственный поступок: встречу предложила она.

Плохие новости требовали объяснений.

На жалобу о насилии ответили, что доводы проверены и достаточного подтверждения не получили. Повреждение

отмечено, однако достоверно установить обстоятельства его возникновения, согласно ответу, не представилось возможным. В объяснениях сотрудники применение насилия отрицали.

— Врач же записал, — сказал Павел.

— Повреждение. Не того, кто причинил. Будем обжаловать дальше.

— А у них ничего доказывать не надо? Просто сказать, что не били?

Михайлов снял очки, протёр стёкла.

— Надо. Но я вам сейчас рассказываю, что ответили. Это разные вещи.

Павел отвернулся. Он стал плохо переносить точные ответы, в которых не было обещания.

Жалоба на заключение под стражу тоже не принесла освобождения. Ему объяснили тяжесть обвинения, опасение воспрепятствования следствию. Постоянное жильё, работа, семья, явка по первому требованию оставались в ходатайстве, но не перевешивали то, что было написано в обвинении.

В камере за это время сменилось несколько человек. Один уехал на этап, другой вернулся с суда радостный, хотя получил пять лет. Павел не мог понять, чему тот радуется. Потом услышал, что обвинение просило значительно больше, и решил промолчать.

Сухов однажды заболел. Лежал, прижав колени к животу, отказывался от еды. Человек, которого Павел считал в каме-

ре самым грубым, стучал в дверь и требовал фельдшера. Когда Сухова вывели, этот же человек обругал его за упрямство и попросил оставить свою кружку, чтобы никто не забрал.

Павел всё меньше понимал людей по первому впечатлению.

В ноябре разрешили свидание с матерью. Анна Петровна оказалась по другую сторону перегородки, в пальто, которое он помнил с детства. Только воротник был перешит, и от этого мать выглядела одновременно знакомой и чужой.

Она увидела его и улыбнулась слишком быстро.

— Паша.

Он взял трубку. Не сразу понял, что надо поднести ближе к уху. Слышно было плохо, рядом разговаривали другие.

— Ты ешь? — спросила мать.

Он хотел рассердиться, как дома, но увидел её руки на сумке и не смог.

— Ем.

— Передачу приняли. Там носки, посмотри, чтоб твои. Я подписала.

— Мам, подписи там не надо.

— Пусть будет.

Она рассказала про отца, про Иру, про квартиру. Ничего особенного. Текла батарея, сосед наконец починил дверь, Ира получила хорошую оценку. Павел слушал и вдруг понял, что эти новости существуют без него. Он не знал, в какой день потекло, кто подставил таз, как отец ругался, когда

снимал кран. Раньше всё это происходило у него на глазах и ничего не стоило.

— Меня на работе не уволили?

Мать покачала головой.

— Мастер сказал, разберётесь — приходи. Васька спрашивал. Все спрашивают.

Он не знал, правда ли все. Не стал уточнять.

Про дело она заговорила под конец.

— Адвокат работает. Мы к нему ходим. Ты только всё говори, ничего не прячь.

— Я говорю.

— Знаю. Тебе кажется, что мелочь, а оно может важно.

Он смотрел на её лицо через стекло. Под правым глазом появилась глубокая складка, которой он раньше не замечал.

— Ты мне веришь?

Мать наклонилась к перегородке.

— Ты чего, Паша?

— Скажи.

— Верю. Я тебя знаю.

Он уткнулся лбом в прохладное стекло. Сотрудник попросил сидеть ровно. Павел выпрямился, мать поспешно стала рассказывать, как Ира перепутала пакеты в магазине. Смешная история не получалась, но оба сделали вид, что получилась.

После свидания он несколько дней берёг мыло, которое она передала. Оно пахло домом, хотя дома такого никогда

не было.

Отец пришёл в январе. Сильно похудел. Начал с того, что деньги, вернувшиеся от Веры, лежат отдельно, никто не тронул. Потом рассказал, что разговаривал с мастером и Валеркой. Тот подтвердил, когда они разбирали мотоцикл и откуда царапина на руке.

— Это важно, — сказал Павел. — Пусть письменно.

— Уже.

Николай Иванович потёр ладонью шею.

— Паш, я одну вещь спрошу. Ты только не горячись.

У Павла заранее свело живот.

— Что?

— Ты точно помнишь, что ушёл от неё? Что потом не возвращался?

Он смотрел на отца, не веря, что тот выбрал именно эти слова.

— Я рассказал.

— Я слышал. Но ты был выпивший. Ты иногда говоришь: этого не помню, того не помню. Может, что-то ещё...

Павел отнял трубку от уха. Отец продолжал говорить, но теперь его почти не было слышно. Он видел, как двигаются губы. Родное лицо вдруг оказалось на другой стороне не только стекла.

— Ты думаешь, я убил? — спросил Павел, снова поднеся трубку.

Николай Иванович покачал головой.

— Я хочу знать, как защищать тебя.

— Значит, думаешь.

— Паша, не переворачивай.

Он вскочил. Сотрудник сделал шаг к нему. Отец поднял ладонь, будто мог удержать через перегородку.

— Сядь, поговорим.

Павел не сел. Сказал, что закончил. Потом до конца дня ненавидел себя за то, что не остался: свидания давали не тогда, когда захочется, а он сам выбросил оставшиеся минуты.

Сухов ничего не спросил. Подвинул на столе кружку, сел рядом. Некоторое время молчали. Потом Сухов рассказал про сына, который перестал писать ещё до этого ареста. Не было в рассказе ни совета, ни утешения. Павел впервые услышал от него что-то, что не предназначалось для новичка.

В феврале Павлу исполнилось двадцать два.

Ирина прислала рисунок: стол, над ним большая лампа, под столом нелепый кот. Написала, что это будущая кухня, только без ремонта, потому что рисовать обои не умеет. Павел смотрел на рисунок, пока не затекла шея. Потом сложил и попросил у Бухгалтера чистый лист для ответа.

В марте следствие подошло к концу. Михайлов сказал, что материалы надо читать целиком, не только то, на что указывает следователь. На ознакомление Павла водили несколько раз. К концу каждого раза буквы начинали плыть, но он боялся, что стоит отвлечься — пропустит строчку, от которой

всё зависит.

В деле появился Старков Семён Валерьевич.

Павел не знал такого человека. Тот утверждал, что в субботу проходил мимо дома, слышал крики, заглянул через веранду и увидел женщину с ограниченными движениями рук, а возле неё Павла. Описывал серый свитер, расположение дивана, свет под потолком. Слова про связанные руки были неуверенные: верёвку он якобы не рассмотрел, но женщина не могла ими двигать.

— Он врёт, — сказал Павел.

— Будем спрашивать, откуда смотрел, — ответил Михайлов. — И что действительно видел.

Павел перелистнул страницу. Старков объяснял, почему не сообщил сразу: испугался вмешиваться, потом узнал из разговоров об исчезновении. Внизу стояла подпись. Чужая, твёрдая, без помарок.

На другой странице лежала фотография молотка. По заключению на нём и на одежде обнаружена кровь человека, групповая принадлежность которой не исключала происхождения от Лапиной. Её группу установили по имевшимся медицинским сведениям. Это не означало, что кровь могла принадлежать только Вере. Но в обвинительном тексте осторожность экспертных формулировок куда-то исчезала.

Михайлов подчеркнул слова «не исключает».

Павел смотрел на подчёркнутое и не чувствовал облегчения. На рубашке была Вериная кровь, это он знал без экс-

пертизы. Ему требовалось объяснить молоток, а не выиграть спор о двух словах.

На снимке у реки он стоял с поднятой рукой. Подпись под фотографией сообщала, что обвиняемый указывает место избавления от тела. На соседнем листе сохранилось его собственноручное замечание, что показал место, где сидел один. Оба документа лежали в одной папке. Никто не спрятал возражение. Его просто оказалось недостаточно.

Павел медленно закрыл обложку.

— Они же видят, — сказал он.

Михайлов кивнул.

— Видят, что вы возражаете.

— Нет. Видят, как было.

Адвокат не ответил сразу. За дверью засмеялся конвойный, потом попросил кого-то потише, здесь работают.

В конце ознакомления Михайлов подал ходатайства: о проверке обстоятельств получения признания, дополнительном исследовании части следов, уточнении показаний, устранении противоречий. Часть удовлетворили формально, часть отклонили, по нескольким провели дополнительные действия, которые почти ничего не изменили.

Павел подписывал страницы и думал, что до этой весны считал бумагу вещью, которая должна закреплять правду. Теперь видел: на бумаге могут лежать рядом две разные истории. Дальше кто-то выбирает, какую назвать настоящей.

Глава 17

От имени

В суд его привезли раньше всех.

Посадили в небольшое помещение возле зала. На стене было написано несколько фамилий, одна перечёркнута так старательно, что вокруг стёрлась краска. Павел не стал читать остальные. Сидел, держал ладони на коленях и слушал, как за стеной расставляют стулья.

Сотрудница спросила у кого-то, есть ли вода. Ей ответили, что кувшин в шкафу. Потом звякнуло стекло. Эти обычные приготовления оказались невыносимыми: для него сейчас решалось всё, а у них не находилось чистого стакана.

Михайлов пришёл с толстой папкой. Родители заключили с ним соглашение ещё осенью; теперь Анна Петровна отдавала почти всё, что могла заработать дополнительно. Павел знал и старался не смотреть, насколько изношены у адвоката манжеты. Не хватало ещё начать рассчитывать, достаточно ли платят за его жизнь.

— На вопросы отвечайте коротко, — сказал Михайлов.
— Если надо пояснить — поясняйте. С места не кричите. Вы мне показывайте, я поставлю вопрос.

— Они всё равно не спрашивают то, что надо.

— Я для этого здесь.

В зале сидели мать, отец, Ирина. Павел сначала увидел только их. Потом — Людмилу Алексеевну в чёрном платке. Тела по-прежнему не нашли. Игорь сидел рядом, широко

расставив колени.

Анна Петровна чуть поднялась. Конвойный попросил не подходить. Она села, поправила сумку под ногами. Ирина смотрела прямо на брата. Увидев, что он заметил, быстро кивнула. Павлу хотелось ответить так же спокойно, но улыбнуться не получилось.

Судья был мужчина с тяжёлыми очками. По сторонам сидели двое народных заседателей: женщина с аккуратной короткой стрижкой и пожилой человек в пиджаке, застёгнутом на обе пуговицы. Павел смотрел на них с надеждой. Они казались менее служебными, чем остальные. Наверное, именно им можно будет объяснить простыми словами.

Назвали состав суда, спросили об отводах, разъяснили права. Павел слушал и старался запомнить. Слова были знакомые по бумагам, но произнесённые подряд становились почти непонятными.

Когда читали обвинение, он несколько раз хотел встать. Не потому, что не слышал раньше. Потому, что теперь это говорили при матери.

Вера в тексте сопротивлялась, просила пощады, испытывала мучения. Павел действовал последовательно, с определённой целью. Никаких пауз, в которых не знал, что делать. Никакого страха перед разбитой губой. Никакой кружки с водой, кроме той, которой он якобы воспользовался в издательстве. Его попытки помочь тоже нашли место в чужой истории.

Анна Петровна сидела неподвижно. Отец смотрел в пол. Ирина повернулась к матери, но та не заметила.

— Вину признаёте?

Павел встал.

— Нет. Я её не убивал.

Судья попросил говорить о предъявленном обвинении. Павел повторил, что не признаёт. Сел и почувствовал, как подкашиваются ноги, хотя уже сидел.

Разбирательство заняло не один день. Их привозили, держали в коридорах, возвращали обратно. Иногда Павел весь день ждал нужного свидетеля, а тот не являлся. Иногда за несколько часов успевали прочитать столько, что ночью он не мог вспомнить, на что следовало возразить.

Соседка из старого дома подтвердила крики. Сказала, что голос мужской, сердитый, что слышала угрозу испортить жизнь. Михайлов спросил, какие именно слова запомнила.

Она повторила Павлову фразу почти верно, только местоимения поменялись. Теперь не Вера испортила ему жизнь. Теперь он обещал испортить ей.

— Вы уверены, что было именно так? — спросил адвокат.

Женщина сжала руки.

— Он кричал. Я слышала.

— Вопрос о словах, а не о громкости.

Судья напомнил свидетелю, что можно отвечать «не помню». Женщина кивнула и сказала, что за столько времени каждое слово не удержишь. В протоколе, однако, уже было

записано точнее. Её прежние показания огласили.

Павел смотрел на неё и впервые видел, что она тоже испугана. Не им — залом, вопросами, возможностью ошибиться на глазах у всех. Когда прокурор спросил, могла ли она перепутать, женщина выпрямилась и сказала:

— Что крики были, я не перепутала.

Этого оказалось достаточно, чтобы разговор снова пошёл дальше.

Светлана Ильинична рассказала про Павловы приходы на рынок. Про раздражение Веры. Про то, как он на другой день грубо ответил продавщице. Михайлов уточнил, от кого поступило предложение встретиться. Хозяйка сказала: от Веры, деньги собиралась возвращать. Прокурор спросил, знала ли, вернула ли. Она ответила, что нет.

Слово «деньги» повторялось часто. Но в зале оно всё меньше означало причину обратиться за защитой. Становилось причиной расправиться.

Валерка выступал, переминаясь возле стола. Рассказал про мотоцикл, про царапину на костяшке. Подтвердил, что Павел ушёл с застолья до встречи. Прокурор спросил, сколько тот выпил. Валерка посмотрел в сторону ограды, потом назвал приблизительно. Павел хотел крикнуть, что не надо смягчать: пусть скажет точно, иначе опять будет выглядеть, будто все покрывают. Но Валерка действительно не считал.

— Состояние было возбуждённое? — спросил прокурор.

— Он злой был. На неё. Но он ж не...

Судья остановил:

— Что было известно лично, то и сообщайте.

Валерка замолчал.

Когда дошла очередь до Старкова, Павел подался вперёд. Человек оказался невысокий, плотно сбитый, с припухшим лицом. Он не смотрел в сторону Павла. Отвечал быстро, но не сразу по существу, сперва объяснял, почему вообще оказался внизу возле реки.

В доме, утверждал он, видел женщину на диване. Руки у неё были стянуты или удерживались, точно не рассмотрел. Павел стоял рядом, женщина просила прекратить. Позже, отойдя к дороге, Старков якобы заметил движение от дома к берегу: мужчина перемещал тяжёлый свёрток. Самого содержимого он не видел.

Эта подробность появилась не в первом его рассказе. Михайлов раскрыл папку.

— Почему о свёртке вы сообщили позднее?

— Вспомнил.

— Что помогло вспомнить?

— Думал. Человек же пропал.

Адвокат уточнял освещение, расстояние, сколько времени прошло между двумя наблюдениями. Старков путался в минутах, настаивал на основном. Подробно описал, где горела лампа. Показал на плане дверной проём. Узнал Павла.

Павел смотрел на него, пока тот не поднял глаза.

— Вы меня видели когда-нибудь до этого? — спросил он,

получив разрешение.

Старков покачал головой.

— Тогда зачем вы это делаете?

Прокурор возразил против формы вопроса. Судья предложил спросить иначе. Павел не мог иначе. Михайлов коснулся края стола, привлекая его внимание, но Павел смотрел только на свидетеля.

— Я её не связывал.

— Подсудимый, — сказал судья.

— Он врёт.

Людмила Алексеевна вдруг произнесла из зала:

— А где она?

Негромко, без крика. Павел обернулся.

— Не знаю.

Она смотрела на него. За всё время никто ещё не спрашивал так просто. Без протокола, без проверки, без возможности подобрать формулировку. Ей нужна была дочь.

Судья сделал замечание, попросил соблюдать порядок. Игорь наклонился к матери. Павел сел и понял, что для неё его ответ прозвучал признанием в ещё одной жестокости: знает, но не говорит.

Гордин пришёл в другой день.

В костюме, при галстуке. Впервые Павел видел его таким собранным. Он не пытался скрыть, что близко знал Веру. Сказал, что помогал семье, отношения с ней были личные, и именно поэтому после исчезновения действовал в рамках

поручений руководства, а не принимал процессуальные решения сам. Расследование вела прокуратура.

Михайлов спросил о конфликте из-за денег. Гордин ответил, что Павел ревновал и связывал несостоявшуюся покупку квартиры с ним без достаточных оснований. Имя Сергея назвал, но объяснил: только познакомил, в расчётах не участвовал. Материалы о деньгах, сообщил, рассматриваются отдельно. Ни приговора, ни установленного мошенничества нет.

— Вы предлагали Крылову прекратить обращения? — спросил адвокат.

— Предлагал не преследовать девушку. Это разные вещи. Павел услышал, как кто-то в зале тихо согласился.

На вопрос о ночи с тринадцатого на четырнадцатое Гордин ответил, что беседа проходила без принуждения, обвиняемый сам выразил желание изложить обстоятельства. Доступ защитника, сказал, от него не зависел. На повреждение у Павла указал, что тот до задержания работал с железом и был склонен к резким действиям.

— То есть вы предполагаете? — уточнил Михайлов.

— Я не врач.

Врач как раз пришла позже.

Эксперт говорила тихо, без уверенности Гордина. Подтвердила кровь человека на исследованных предметах, объяснила пределы группового исследования. Ни личность по одной группе, ни объём кровопотери по представленным

следам достоверно не устанавливались. Исследовать тело не представлялось возможным, поскольку оно не обнаружено. Описать конкретные повреждения Лапиной она не могла.

— Значит, заключение о смертельных ранах вы не давали? — спросил Михайлов.

— Нет.

Павел впервые за несколько заседаний посмотрел на народных заседателей с надеждой.

Прокурор спросил, противоречат ли обнаруженные следы описанному в материалах насилию. Эксперт ответила, что вопрос о соответствии требует разграничения: следы крови могли образоваться при повреждении, но определить по ним всю последовательность действий и исход она не может.

Судья записал. Одна из заседательниц попросила повторить группу. Эксперт повторила. Разговор перешёл к упаковке и состоянию представленной одежды.

Казалось, важнейшее только что прозвучало и всё равно не остановило заседание.

Михайлов возвращался к этому в прениях. Говорил, что исчезновение не равно доказанной смерти, первоначальное признание получено при оспариваемых обстоятельствах, показания ключевого свидетеля менялись, а независимые следы не подтверждают именно ту картину, на которой построено обвинение. Просил оправдать.

Прокурор говорил о совокупности. Никто, утверждал он, не обязан представлять каждое доказательство в отдельно-

сти как исчерпывающее. Кровь, угрозы, конфликт, свидетель, признание, знание обстановки. Отсутствие найденного тела объяснял сокрытием и условиями поисков. Особую жестокость выводил из первоначальных показаний и сведений Старкова, а отказ от признания называл последующей защитной позицией.

Павел слушал, как снова и снова произносят его имя с отчеством. Не Паша, не сын, не работник. Крылов Павел Николаевич — человек, которого можно было целиком составить из этих папок.

Когда прокурор попросил исключительную меру наказания, мать негромко вскрикнула. Павел не сразу понял, почему. Слова уже встречались в деле, адвокат предупреждал о тяжести обвинения, но до этой минуты всё равно казалось, что между ним и расстрелом существует какое-то расстояние, которое нельзя пройти просто голосом.

Прокурор договорил и сел.

Михайлов сделал пометку на полях. Судья спросил, есть ли дополнения. В коридоре кто-то громко позвал секретаря из другого зала.

Павел смотрел на стол, за которым только что попросили его убить. На столе стоял стакан воды. Полный почти до края.

Глава 18

Последнее слово

Вечером Павел не стал рассказывать в камере, сколько попросил прокурор.

Сухов к тому времени уехал. Собирался быстро, как все, кого поднимают по списку: вещи в узел, кружка, остатки еды. Прощаясь, сжал Павлу плечо и велел не терять бумаги. Ничего особенного. Павел потом несколько дней ждал, что откроется дверь и Сухов вернётся, потому что забыли печать или перепутали маршрут.

На его месте уже жил другой человек.

Бухгалтер заметил, что Павел не ест. Спросил, плохо ли. Он покачал головой. Аркадий Ефимович подвинул кружку с кипятком, потом забрал, потому что Павел взялся за неё обеими руками и не почувствовал, как горячо.

— Остынет, — сказал Бухгалтер.

Ночью Павел лежал лицом к стене. Сна не было. В голове не получалось представить расстрел. Он представлял, как мать возвращается домой, достаёт из сумки документы, ставит чайник. Как отец спрашивает, где чистая рубашка. Как Ира садится за стол и вдруг понимает, что читать не может. Всё это виделось ясно. Собственная смерть не имела картинки, только слово.

Утром ему дали умыться вне очереди. Никто не объяснял почему. Он сразу понял, что в камере уже знают.

К последнему слову готовился с вечера, но, встав в зале, забыл почти всё. Бумажку с несколькими фразами держал в руке, смотрел и не узнавал своего почерка. Михайлов сидел

ниже и чуть повернул ладонь: спокойно, не торопись.

Павел начал с того, что не убивал.

Он произносил это столько раз, что теперь боялся: слова утратили смысл. Их можно услышать, кивнуть и продолжить читать другое. Поэтому попытался рассказать то, чего не было ни в одном протоколе.

Как Вера мёрзла на рынке. Как заправляла волосы под шапку, а одна прядь всё равно вылезала и лезла в рот. Как поправляла её не рукой, а губами, чтобы не вынимать пальцы из варежек. Она каждый раз смеялась, когда он замечал. Это невозможно было выдумать вместо человека.

— Подсудимый, — сказал судья, — придерживайтесь обстоятельств, имеющих отношение к делу.

Павел поднял голову.

— Она и есть к делу.

В зале кто-то кашлянул. Судья подождал.

Павел посмотрел на Людмилу Алексеевну. Та сидела с опущенным лицом. Ему хотелось попросить у неё прощения за то, что причинил Вере боль в тот вечер. Но если произнести «простите», сейчас услышат другое. Получалось, что даже стыд у него забрали: нельзя было признаться в настоящем, не усилив выдуманное.

Он всё же сказал:

— Я схватил её. Она ударилась из-за меня. Я этого не снимаю с себя. Но когда я вышел, она сидела, говорила. Я не делал остального. Меня заставили написать. Вы видели, я сра-

зу отказался, как адвокат пришёл.

Голос начинал ломаться. Павел остановился, вдохнул неглубоко. Бок давно не болел, но осторожность осталась.

— Я не прошу меня пожалеть. Просто не надо за то, чего не было.

Он ещё хотел сказать про отца и деньги, про молоток под навесом, про то, что Вера сама позвонила. Всё уже говорилось, всё лежало в деле. Вдруг почувствовал страшную усталость от собственной необходимости доказывать, что он существует отдельно от бумаги.

Посмотрел на мать. Она держала руки на коленях, ладони вверх, как будто забыла, что хотела ими сделать.

Павел сел.

Суд удалился для постановления приговора. Огласить назначили через два дня.

Эти два дня оказались длиннее предыдущих месяцев. В камере продолжали есть, ругаться, делить место, просить сигареты. Павел сначала злился, потом начал цепляться за любой разговор. Спрашивал у Бухгалтера, откуда тот знает столько про счета. Слушал историю про невыданную премию, которая закончилась арестом совсем не из-за премии. Двое спорили, какой огурец лучше: солёный или маринованный. Павел неожиданно вмешался, стал доказывать, что мать делает иначе. На несколько минут забыл, зачем ждёт четверга.

Потом вспомнил и замолчал посреди фразы.

Бухгалтер продолжил разговор за него. Серьёзно уточнил про укроп, хотя прежде всем объяснял, что домашние заготовки терпеть не может.

В день приговора дождя не было. Через маленькое окно в машине Павел увидел сухой тротуар и женщину с сеткой. В сетке лежал батон, выступал почти наполовину. Он подумал, что батон выпадет, если она зацепится. Эта мысль держалась всё время, пока ехали.

В зале было больше народу. Кто-то специально пришёл слушать. Павел заметил незнакомого мужчину с блокнотом и сразу отвернулся: не хотел, чтобы тот запомнил его лицо в минуту, которую сам ещё не знал, как пережить.

Мать сидела на прежнем месте. Отец держал пальцы на её запястье. Ирина увидела брата, подняла руку, будто собиралась помахать, но не подняла до конца.

Все встали.

Судья начал читать. Сначала были обстоятельства, которые Павел уже знал наизусть, потом оценка доказательств. Отказ от первоначальных показаний расценивался критически. Утверждения о незаконных методах, согласно приговору, убедительного подтверждения не получили. Телесное повреждение не доказывало сообщённого происхождения. Совокупность показаний и следов признавалась достаточной.

Михайлов что-то писал. Быстро, почти не поднимая головы.

Когда судья дошёл до особой жестокости, Павел услышал

за спиной негромкое:

— Господи.

Не понял, чьё. Может, матери. Может, чужой женщины.

В приговоре он мучил Веру, понимая, что делает. Её боль описывалась увереннее, чем любой из свидетелей мог описать само событие. Суд признал установленным то, от чего он отказался ещё до того, как его привезли к реке. Всё становилось окончательным через глаголы: совершил, продолжил, скрыл.

Павел смотрел на женщину — народного заседателя. Она держала руки перед собой и слушала. На пиджаке возле воротника виднелась маленькая светлая нитка. Павел почему-то ждал, что она её заметит и уберёт. Хотя что-нибудь сделает сама.

Потом судья произнёс его фамилию. Полностью. Назвал статью 102, пункт «г».

И назначил смертную казнь — расстрел.

Павел услышал оба слова раздельно. Первое ещё можно было не понять. Второе не оставило места для другого значения.

Мать издала короткий звук. Отец подхватил её за плечи. Ирина поднялась, потом села, потому что ей сказали сесть. Людмила Алексеевна закрыла лицо платком. Ни облегчения, ни радости Павел не увидел ни у кого. Только движение людей, которым вдруг надо было решить, что делать с собственными руками.

Судья продолжал. Порядок обжалования. Срок. Куда подавать жалобу. Содержание под стражей. Судебные издержки.

Павел не понимал, зачем говорить об издержках человеку, которого решили убить.

Ему велели выходить. Он оглянулся на мать. Она плакала, не закрывая лица, и пыталась что-то сказать. Отец держал её, а сам смотрел на сына так, будто видел впервые и не мог подойти.

— Мам, — сказал Павел.

Конвойный тронул его за локоть. Павел попытался повернуться ещё раз, но за спиной уже закрывали проход.

В маленьком помещении возле зала Михайлов попросил оставить их на несколько минут. Ему позволили говорить в присутствии сотрудника, оспаривать это сейчас он не стал. Сказал, что будет кассационная жалоба, что приговор ещё не вступил в силу, что копию обязаны вручить, что есть семь суток с момента вручения для подачи жалобы осуждённым под стражей. Говорил медленно, добиваясь, чтобы Павел отвечал.

— Вы меня слышите?

Павел кивнул.

— Жалобу подаём. Обязательно. Я подготовлю. От вас тоже нужно будет заявление, мы обсудим.

— Меня сегодня?.. — спросил Павел и не закончил.

Михайлов покачал головой.

— Нет. Сегодня нет. Сейчас идут совсем другие действия. Вы мне верите?

Он не знал. Он верил, когда тот говорил, что нельзя считать группу крови доказательством личности. Верил, что подпись можно оспорить. Что противоречия имеют значение. Всё это не перестало быть правдой, но теперь с этой правдой его собирались расстрелять.

Павел кивнул ещё раз, потому что адвокату тоже нужен был какой-то ответ.

На обратной дороге молчал. Человек рядом спросил у конвойного, что ему дали, потом сам понял по чужому движению и замолчал. Железо машины нагрелось за день. Павел приложил к нему ладонь, сразу отнял. Хотелось почувствовать что-то, что можно назвать точно: горячо. Больно. Живой.

В изоляторе его не повели обратно в камеру.

Он спросил про вещи. Ответили, что принесут. Про письма. Тоже принесут после проверки. Про Михайлова. На это сотрудник сказал, что адвокат знает, как попасть.

В коридоре перед другой дверью пришлось раздеться. Павел стянул свитер через голову и некоторое время держал в руках. Сотрудник протянул ладонь, ожидая, когда отдаст.

На левом локте мать заштопала маленькую дырку. Подходящих ниток не нашла, взяла чёрные. Дома это почти не было видно.

Теперь Павел разглаживал тёмно-синий рукав и никак не

мог выпустить из пальцев чёрную штопку.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

До поворота ключа

Глава 19

Другая дверь

Свитер положили в мешок. Павел успел увидеть чёрную штопку, прежде чем ткань исчезла под другой одеждой. Потом мешок завязали, прикрепили бумажку с фамилией.

Ему выдали полосатые брюки и куртку. Брюки были велики, куртка тесновата в плечах. Павел поднял руки, проверяя, не треснет ли шов, и сотрудник велел быстрее. Пришлось одеться как есть.

Пока оформляли, он стоял в носках на краю деревянной решётки. Между планками виднелся грязный бетон. Кто-то до него оставил там мокрый след, уже подсохший по краям. Павел старался не наступить и думал, что это сейчас глупо, а всё равно переставлял ноги.

Письма принесли отдельно. Перелистали, вернули без конверта, в котором он хранил рисунок Ирины. Рисунок был на месте, сложенный вчетверо. Он пересчитал листы и попросил ещё раз проверить, не осталось ли чего в мешке.

— Всё здесь, — ответили ему.

С теми, кто остался в камере, попрощаться не дали.

Павел представил, как вечером Бухгалтер увидит свобод-

ное место и сразу поймёт. Надо было попросить передать спасибо за карандаш, за кипяток, за разговор об огурцах. Он не попросил. Слова казались слишком маленькими для того, что с ним произошло, хотя именно маленькие вещи сейчас почему-то помнились яснее суда.

Его повели по другому коридору. Здесь было прохладнее, чем в общем корпусе. Сотрудник впереди несколько раз останавливался, ждал, когда откроют следующую дверь. Никто не разговаривал. Павел смотрел на затылок идущего перед ним и старался не отстать, потому что сзади сразу торопили.

Камера оказалась на двоих, но второй человек отсутствовал.

Две койки, столик, закреплённая возле него скамья, умывальник. Окно высоко, за ним железо, от которого почти не оставалось вида. На одной стене отличался цвет краски: закрасили прямоугольник, размером с небольшую тетрадь. Павел посмотрел и сразу захотел знать, что там было.

— На вопросы отвечаешь. На вывод собираешься сразу. Подходить к двери без команды не надо.

Сотрудник говорил ровным голосом, перечисляя то, что приносил много раз. Павел кивал. Потом спросил:

— А адвокат когда?

— Как придёт.

— Мне самому написать надо.

— Бумагу выдадут.

Он хотел спросить ещё что-нибудь, лишь бы не оставили, но не успел придумать. Дверь закрыли.

В камере было тихо.

Сначала эта тишина показалась хорошей. Не надо уступать койку, ждать очереди умыться, отодвигать чужую ногу от своих вещей. Можно поставить кружку и точно знать, что её не заденут. Павел сел, разложил письма. Потом встал и снова сел. Прошёл от стола к окну, вернулся. На шестом таком переходе понял, что не может находиться в тишине.

В общем корпусе хотя бы слышно было, как кто-то живёт. Здесь каждый звук приходил снаружи, от людей, которые могли войти.

Павел прислушался. За дверью прошли двое, остановились дальше по коридору. Кто-то сказал фамилию, но разобрать не получилось. Потом железо ударило о железо. Он поднялся, ещё до того, как понял зачем.

К нему не вошли.

Вечером принесли еду. Павел спросил, можно ли оставить хлеб до утра. Ответили, что можно. Спросил про часы. Сотрудник посмотрел в проём, как будто впервые увидел его лицо, и сказал, что сейчас половина седьмого.

Павел поблагодарил. Повторил про себя: половина седьмого. Надо было от чего-нибудь начинать счёт.

Через некоторое время загорелся другой свет. Яркий погас, остался тусклый, от которого углы стали глубже, но уснуть в полной темноте всё равно было нельзя. Павел лёг,

повернулся к стене. Под новой курткой чесалась спина. Он почесал, поправил воротник, перевернулся и стал смотреть на свободную койку.

Если бы там лежал человек, можно было бы спросить, сколько уже ночь. Хотя что-нибудь спросить.

Он думал про кассацию. Михайлов сказал, что приговор ещё не вступил в силу. Значит, сегодня не могут. Но слово «сегодня» заканчивалось каждую полночь, а где именно она здесь, Павел не знал.

Уснул ненадолго. Проснулся от собственного движения: во сне решил, что опаздывает на работу. Сел, стал искать одежду и сразу увидел полосы на своих коленях.

Долго сидел так, пока ноги не замёрзли.

Утром пришли с обыском. Вывели из камеры, осмотрели одежду, постель, листы, которые вчера уже проверяли. Павел смотрел, как перебирают письма, и спросил, зачем опять.

— Порядок такой.

— Я с вечера один был. Мне никто ничего не передавал.

Сотрудник не стал спорить. Продолжил проверку, потом вернул вещи и велел заходить.

Павел уже на койке заметил, что рисунок Ирины согнули иначе. По столу теперь проходила складка, прямо через нарисованную лампу. Он осторожно разгладил её ладонью, но бумага не распрямилась.

Через несколько дней вручили копию приговора. Спросили, получил ли. Павел расписался и стал читать сразу, стоя.

Сотрудник сказал, что прочтёт в камере.

В тексте всё было. Его имя, Верино имя, молоток, берег, подпись под тем, что написал ночью. Теперь ещё стояли слова об исключительной общественной опасности. Он перечитывал их, пытаясь понять, как эту опасность увидели в человеке, которому мать собирала носки.

На последней странице опять был расстрел.

Павел взял чистый лист. Начал жалобу сам, как договорились с Михайловым. Написал, что не согласен с приговором, убийства не совершал, просит отменить. Дальше хотелось переписать всю жизнь с того дня, когда впервые увидел Веру. Он понимал, что так нельзя, и от этого не мог продолжать.

Когда пришёл Михайлов, Павел спросил:

— Вы всё подали?

— Подал. Срок не пропущен. С вашей копией ещё раз сверим, если нужно, дополним.

Он показал бумаги, объяснил, какие доводы изложены. Повреждение после допросов, изменение показаний Старкова, отсутствие надлежащего подтверждения именно убийства и особой жестокости. Павел слушал и смотрел на нижнюю часть адвокатского пиджака. На полах налипла светлая пыль: где-то сел возле побелённой стены. Человек шёл к нему по настоящему городу, пачкал одежду о стены, а здесь мог только передавать листы и разговаривать.

— Мать видели?

— Видел.

— Она как?

Михайлов не ответил «нормально».

— Держится. Ира помогает. Отец собирает всё, что может пригодиться.

— Он мне верит?

Адвокат посмотрел на него поверх бумаг.

— Он хочет вас вытащить, Паша.

Это было не совсем то, о чём спрашивал, но Павел кивнул.

После встречи стало легче. Не потому, что адвокат обещал победу. Он ничего не обещал. Просто почти час Павел был человеком, с которым обсуждают предстоящие действия, а не предметом, который требуется осмотреть и поставить на место.

В камере он написал матери. Несколько раз начинал со слов «со мной всё хорошо», потом зачеркнул. В конце получилось: «Я получил письма. Рисунок тоже. Жалобу подали. Не тратьте на передачи лишнего. Здесь кормят».

Про свободную койку не написал. Про свет, который не гаснет до конца, тоже. Ему казалось, если мать узнает все подробности, она будет каждую ночь сидеть вместе с ним, только без права даже переменить что-нибудь у себя дома.

Под вечер опять остановились возле двери.

Павел встал. Поправил куртку, хотя никто ещё не велел. Услышал разговор, потом звякнул замок в соседней камере. Сел обратно и рассердился на себя: сколько раз можно вска-

кивать, когда зовут не его.

Через час повторилось то же самое.

К концу недели он уже не считал эти подъёмы. Считал только те случаи, когда успевал остаться сидеть.

Глава 20

Валентин

Валентин вошёл с таким видом, будто ему показали не ту комнату.

Остановился возле порога, посмотрел на койки, на столик, на Павла. Протянул руку за свёртком, который держал сотрудник, взял и только потом спросил:

— Где садиться?

— Разберётесь.

Дверь закрылась. Валентин ещё немного постоял, затем положил вещи на свободную койку. Наклонился, проверил крепление ножки. Движение показалось Павлу знакомым: так отец смотрел, не будет ли шататься стол на неровном полу.

— Валентин, — сказал новый.

— Павел.

— Давно?

— Здесь — не очень.

Валентин кивнул, не уточняя. Ему было под сорок. Невысокий, широкий в поясице, с коротко стриженными волосами и крупными суставами пальцев. На правой руке отсут-

ствовала часть ногтя; отросший край был неровным. Когда раскладывал вещи, придерживал бумагу этим пальцем особенно осторожно.

Павел ждал вопроса про статью, но Валентин спросил, как вода. Из крана шла тонкая струйка. Он подставил ладонь, выпил, поморщился и вытер рот рукавом.

— Нормально, — сказал. — Могло хуже быть.

Павлу не понравилось. Казалось, любое слово «нормально» здесь служит согласием с тем, что происходит.

Первый вечер они почти не разговаривали. Валентин сложил одежду, дважды переложил письма, сел, подался вперёд и долго смотрел на свои руки. Павел тоже занимался бумагами. Ему хотелось показать, что у него есть дело и он не обязан развлекать нового соседа.

Позже Валентин лёг. Повернулся к стене, потом к Павлу. Проворчал, что кровать короткая, хотя ростом был ниже. Спросил, дают ли здесь кипяток ещё раз перед ночью. Павел ответил, что сегодня уже приносили.

— Значит, завтра.

Через несколько минут Валентин захрапел.

Павел не мог уснуть. Прислушивался к храпу и злился. Этот человек пришёл, осмотрел кровать и спит. Неужели ему не сказали того же самого? Может, вообще попал сюда по другой причине, временно? Павел хотел разбудить и спросить, но не сделал.

Ночью храп оборвался. Валентин сел на койке, задыхаясь,

одной рукой упёрся в стену. Павел поднял голову.

— Чего?

— Ничего.

Валентин дышал открытым ртом. Потрогал шею, потом посмотрел в сторону двери.

— Приснилось, — сказал он.

Он уже не выглядел человеком, которому всё понятно.

Утром спросил, за что Павел. Выслушал ответ, не стал обсуждать. Про себя сказал, что Руденко. Что дело у него другое, несколько человек, разбой. В подробности не пошёл.

— Я не спрашивал фамилию, — заметил Павел.

— А я сказал. Чтоб не «эй» потом.

Они стали жить рядом.

Это оказалось труднее, чем Павел ожидал. В общем корпусе раздражение можно было распределить на многих: один шумит, другой мешает, третий говорит не то. Здесь всё делал один человек. Слишком громко полоскал рот, долго возился с обувью, ставил кружку туда, где Павел привык оставлять письма. Сам Павел, по мнению Валентина, непрерывно перекладывал листы и вставал именно тогда, когда другой собирался пройти.

Однажды поссорились из-за полотенца.

Валентин повесил своё на край кровати, и вода капала возле Павловых вещей. Павел потребовал убрать. Валентин ответил, что тот может подвинуть пакет. Они несколько минут спорили о том, кому проще сделать полшага. В конце

Павел сам перенёс бумаги, а Валентин снял полотенце. Оба молчали до вечера, недовольные тем, что уступили одновременно.

Потом Валентин сказал:

— Ты, когда встаёшь, скажи. Я ноги уберу. Не будешь каждый раз перепрыгивать.

Павел кивнул.

Так же постепенно появились другие договорённости. Кто раньше умывается. Где ставят воду. Когда можно разговаривать, если другой пишет домой. Они не устанавливали порядки торжественно, просто обнаруживали, что без мелких уступок помещение становится ещё теснее.

Про дело Валентин рассказал в жаркий день, когда говорить было легче, чем молчать.

Сначала сказал, что работал водителем. Потом — что ездил с людьми, с которыми не стоило ездить. Груз, деньги, чужая машина. С водителем ехала женщина. Павел слушал, постепенно понимая, что сейчас услышит привычное: сам ничего не делал, оказался рядом, на него повесили. Но Валентин остановился, растёр ладонью колено и сказал:

— Водителя я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.